Научно-исследовательский центр «Иннова»

ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Сборник научных трудов по материалам
III Международной научно-практической конференции,
30 сентября 2026 года, г.-к. Анапа

Анапа
2026

УДК 00(082) + 001.18 + 001.89
ББК 94.3 + 72.4: 72.5
Ф94

Научный редактор:
Скорикова Екатерина Николаевна

Редакционная коллегия:
Бондаренко С. В., к.э.н., профессор (Россия, г. Краснодар), **Дегтярев Г. В.,** д.т.н., профессор (Россия, г. Краснодар), **Хилько Н. А.**, д.э.н., доцент (Россия, г. Анапа), **Ожерельева Н. Р.**, к.э.н., доцент (Россия, г. Анапа), **Жиянова Н. Э.**, к.э.н., профессор (Узбекистан, г. Ташкент), **Климов С. В.** к.п.н., доцент (Россия, г. Пермь), **Михайлов В. И.** к.ю.н., доцент (Россия, г. Москва).

Ф94 Фундаментальные научно-практические исследования: теоретические и практические аспекты. Сборник научных трудов по материалам III Международной научно-практической конференции (г.-к. Анапа, 30 сентября 2026 г.). – Анапа: НИЦ ЭСП в ЮФО, 2026. - 72 с.

В настоящем издании представлены материалы III Международной научно-практической конференции: «Фундаментальные научно-практические исследования: теоретические и практические аспекты», состоявшейся 30 сентября 2026 года в г.- к. Анапа. Материалы конференции посвящены актуальным проблемам науки, общества и образования. Рассматриваются теоретические и методологические вопросы в социальных, гуманитарных, естественных и других науках.

Издание предназначено для научных работников, преподавателей, аспирантов, всех, кто интересуется достижениями современной науки.

За содержание и достоверность статей, а также за соблюдение законов об интеллектуальной собственности ответственность несут авторы. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов статей. При использовании и заимствовании материалов ссылка на издание обязательна.

Информация об опубликованных статьях размещена на платформе научной электронной библиотеки (eLIBRARY.ru). **Договор № 2341-12/2017К от 27.12.2017 г.**

Электронная версия сборника находится в свободном доступе на сайте:
www.innova-science.ru.

УДК 00(082) + 001.18 + 001.89
ББК 94.3 + 72.4: 72.5

© Коллектив авторов, 2026.
© ООО «НИЦ ЭСП» в ЮФО (подразделение НИЦ «Иннова»), 2026.

ISBN 978-5-97873-120-0

СОДЕРЖАНИЕ

МЕДИЦИНСКИЕ НАУКИ

МЕНИНГОКОККОВАЯ ИНФЕКЦИЯ: РАННИЕ КЛИНИЧЕСКИЕ ПРИЗНАКИ ТЯЖЕЛОГО ТЕЧЕНИЯ И ДИАГНОСТИЧЕСКИЕ ОШИБКИ

Абубакир Аяулым, Аманбаева Аружан

Рахман Әсем 5

ВОЗРАСТНАЯ ДИНАМИКА КОЭФФИЦИЕНТА ОКОСТЕНЕНИЯ ПО ДАННЫМ КОМПЛЕКСНОЙ ЛУЧЕВОЙ ДИАГНОСТИКИ КИСТИ, ЧЕЛЮСТНО-ЛИЦЕВОЙ ОБЛАСТИ И ШЕЙНОГО ОТДЕЛА ПОЗВОНОЧНИКА У ДЕТЕЙ И ПОДРОСТКОВ

Зарецкая Элина Георгиевна 15

ОЦЕНКА БИОХИМИЧЕСКИХ МАРКЕРОВ СЛЮНЫ У ПАЦИЕНТОВ С ХРОНИЧЕСКИМ ГЕНЕРАЛИЗОВАННЫМ ПАРОДОНТИТОМ И ОРТОПЕДИЧЕСКИМИ КОНСТРУКЦИЯМИ В ПОЛОСТИ РТА

Истомина Елена Сергеевна 19

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕГЛАМЕНТАЦИИ КОРПОРАТИВНОГО ДОГОВОРА И ВОЗМОЖНЫЕ ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

Гольцов Владимир Борисович

Голованов Николай Михайлович 24

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА ПРИ ПОДБОРЕ ПЕРСОНАЛА: РИСКИ ДИСКРИМИНАЦИИ КАНДИДАТОВ

Ермолова Татьяна Геннадьевна 39

ОБЪЕКТИВНАЯ НЕОБХОДИМОСТЬ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ КВАЛИФИКАЦИИ «ПРАВОВОЙ АГРЕССИИ» КАК ОДНОГО ИЗ ВИДОВ АГРЕССИИ В КОНТЕКСТЕ РЕЗОЛЮЦИИ ГЕНЕРАЛЬНОЙ АССАМБЛЕИ ООН № A/RES/3314(XXIX) ОТ 14.12.1974 ГОДА

Митяев Олег Михайлович *47*

ДОГОВОР ПРИСОЕДИНЕНИЯ В СТРИМИНГОВЫХ СЕРВИСАХ: АНАЛИЗ ДИСБАЛАНСА ПРАВ СТОРОН И ПУТИ ЕГО ПРЕОДОЛЕНИЯ

Штайнбрехер Анастасия Владимировна *58*

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

СПЕЦИФИКА УПРАВЛЕНИЯ ФИНАНСАМИ КОМПАНИЙ НЕФТЕГАЗОВОГО КОМПЛЕКСА

Маляревская Светлана Владимировна *64*

МЕДИЦИНСКИЕ НАУКИ

УДК 616.98

МЕНИНГОКОККОВАЯ ИНФЕКЦИЯ: РАННИЕ КЛИНИЧЕСКИЕ ПРИЗНАКИ ТЯЖЕЛОГО ТЕЧЕНИЯ И ДИАГНОСТИЧЕСКИЕ ОШИБКИ

Абубакир Аяулым

Аманбаева Аружан

Рахман Әсем

студенты 5 курса факультета медицины

Научный руководитель: Жунусов Ержан Сейполович,

PhD, ассоциированный профессор, заведующий кафедрой инфекционных болезней и детских инфекций

Научный руководитель: Ли Евгения Александровна,

PhD, ассоциированный профессор кафедры инфекционных болезней и детских инфекций

НАО «Карагандинский медицинский университет»,

город Караганда, Республика Казахстан

Аннотация. *Менингококковая инфекция, вызываемая Neisseria meningitidis, относится к тяжелым инвазивным бактериальным инфекциям, способным быстро приводить к сепсису, менингиту, полиорганной недостаточности и смерти. Особую клиническую проблему представляет ранний этап заболевания, поскольку первоначальные симптомы часто являются неспецифичными и могут напоминать вирусные и другие распространенные инфекции. Цель работы — проанализировать современные литературные данные о ранних клинических признаках тяжелого течения менингококковой инфекции, основных причинах диагностической задержки и современных подходах к подтверждению диагноза. Проведен анализ публикаций из PubMed, материалов WHO, CDC, NICE и клинического протокола Республики Казахстан, с основным вниманием к*

литературе 2021–2026 гг. Показано, что головная боль, лихорадка, тошнота и рвота могут появляться на ранних этапах заболевания, тогда как геморрагическая сыпь и выраженный менингеальный синдром не всегда присутствуют в начале болезни. Особое значение имеют быстрое ухудшение общего состояния, признаки сепсиса, нарушение сознания, тахипноэ, холодные конечности и гипотензия. Раннее распознавание заболевания должно сочетаться со своевременным лабораторным исследованием, при этом диагностические процедуры не должны необоснованно задерживать начало антибактериальной терапии.

The article reviews current evidence on early clinical signs of severe invasive meningococcal disease, causes of diagnostic delay, and modern approaches to laboratory confirmation. Publications indexed in PubMed, materials from WHO, CDC and NICE, and the clinical protocol of the Republic of Kazakhstan were analyzed, with emphasis on literature from 2021–2026. Headache, fever, nausea and vomiting may occur early, whereas hemorrhagic rash and a pronounced meningeal syndrome may be absent at disease onset. Rapid clinical deterioration, signs of sepsis, altered consciousness, tachypnea, cold extremities and hypotension are particularly important. Diagnostic procedures should not cause an unjustified delay in antibacterial therapy when invasive meningococcal disease is clinically suspected.

Ключевые слова: *менингококковая инфекция, Neisseria meningitidis, менингококцемия, менингит, ранние клинические признаки, диагностическая задержка, диагностические ошибки, лабораторная диагностика*

Keywords: *meningococcal disease, Neisseria meningitidis, meningococcemia, meningitis, early clinical signs, diagnostic delay, diagnostic errors, laboratory diagnosis*

Введение

Инвазивная менингококковая инфекция (ИМИ) является потенциально жизнеугрожающим заболеванием, которое может быстро прогрессировать и приводить к тяжелым осложнениям. Neisseria meningitidis вызывает менингит, менингококцемию, бактериемическую пневмонию и другие инвазивные формы заболевания. Эпидемиологические характеристики инфекции изменяются в

зависимости от региона, возраста пациентов и циркулирующих серогрупп [1,2].

Одной из особенностей ИМИ является неспецифичность начальной клинической картины. Лихорадка, головная боль, тошнота, рвота, слабость и миалгии могут наблюдаться при различных инфекционных заболеваниях. Вместе с тем состояние пациента способно быстро ухудшаться с развитием септического шока, ДВС-синдрома, поражения центральной нервной системы и полиорганной недостаточности [3,4].

Таким образом, отсутствие на раннем этапе классической картины менингита или менингококцемии не позволяет исключить ИМИ. Раннее распознавание заболевания имеет принципиальное значение, поскольку задержка диагностики и лечения может быть связана с увеличением риска осложнений.

Цель работы — провести анализ современных литературных данных о ранних клинических признаках тяжелого течения менингококковой инфекции, диагностических ошибках и задержке распознавания заболевания, а также рассмотреть современные методы лабораторной диагностики.

Материалы и методы

Проведен анализ отечественных и зарубежных научных публикаций по проблеме инвазивной менингококковой инфекции. Поиск литературы осуществлялся в базе PubMed, а также на официальных ресурсах WHO, CDC и NICE. Дополнительно изучен действующий клинический протокол диагностики и лечения менингококковой инфекции Министерства здравоохранения Республики Казахстан. Основное внимание уделялось публикациям 2021–2026 гг., посвященным ранним клиническим проявлениям, диагностическим трудностям, лабораторному подтверждению и осложнениям ИМИ. Для отдельных клинических рекомендаций и ранее опубликованных систематических данных использовались соответствующие источники, сохраняющие практическую значимость.

Основная часть

Ранние клинические проявления и признаки тяжелого течения

Классическими клиническими синдромами ИМИ являются менингит и септицемия. При менингококковом менингите наиболее характерны внезапная

лихорадка, головная боль и ригидность затылочных мышц. Также могут наблюдаться тошнота, рвота, светобоязнь и нарушение сознания. При менингококцемии преобладают признаки сепсиса: лихорадка, выраженная слабость, миалгии, холодные конечности, тахипноэ, гипотензия и геморрагическая сыпь [3,4].

Однако на начальной стадии заболевания клиническая картина может существенно отличаться от классической. Deghmane и соавт. Отмечают, что ранние проявления ИМИ нередко являются неспецифическими, а заболевание может иметь атипичные варианты, включая абдоминальные проявления, бактериемическую пневмонию и септический артрит. Подобные формы способны затруднять первоначальную диагностическую ориентацию [1].

Важные данные представлены в ретроспективном исследовании McMillan и соавт., проведенном среди 104 австралийских подростков и молодых взрослых с ИМИ. При первичном обращении наиболее часто отмечались головная боль — 80,8%, тошнота или рвота — 75,0% и лихорадка — 72,1%. Половина пациентов потребовала госпитализации в отделение интенсивной терапии [5]. Эти результаты показывают, что даже тяжелая инвазивная инфекция у молодых пациентов может начинаться с неспецифического симптомокомплекса.

Отдельную проблему представляют инфекции, вызванные серогруппой W. Систематический обзор клинических проявлений MenW продемонстрировал широкий спектр симптомов, среди которых встречались лихорадка, тошнота, рвота, диарея, кашель, боль в горле, нарушение сознания и ригидность затылочных мышц. Помимо менингита и сепсиса описывались бактериемическая пневмония и артрит [6]. Поэтому отсутствие типичной менингеальной симптоматики на раннем этапе не должно рассматриваться как достаточное основание для исключения ИМИ.

Диагностические ошибки и задержка распознавания

Основная сложность ранней диагностики ИМИ связана с тем, что начальные симптомы могут совпадать с проявлениями распространенных вирусных и других инфекционных заболеваний. В результате заболевание на раннем этапе может быть ошибочно расценено как относительно легкая инфекция, что создает

риск задержки специфического лечения [7].

К основным диагностическим ошибкам при ИМИ относятся:

Ожидание классической клинической картины менингита. Отсутствие полной триады менингеальных симптомов на раннем этапе не исключает инвазивную инфекцию.

Ориентация только на наличие геморрагической сыпи. Сыпь является важным признаком менингококцемии, однако она может отсутствовать или появиться позднее.

Недооценка неспецифических симптомов. Лихорадка, головная боль, рвота, миалгии и выраженная слабость могут быть первыми проявлениями заболевания и требуют оценки в совокупности с общим состоянием пациента.

Недостаточная оценка признаков сепсиса. Холодные конечности, тахипноэ, гипотензия, нарушение сознания и быстрое ухудшение состояния должны рассматриваться как признаки возможного тяжелого течения.

Неверная диагностическая ориентация при атипичных формах. Абдоминальные проявления, бактериемическая пневмония и септический артрит могут приводить к первоначальному поиску другой патологии [1,6].

Задержка лабораторного подтверждения. Получение результатов исследования имеет большое значение для уточнения этиологии, однако ожидание лабораторного подтверждения не должно приводить к необоснованному откладыванию лечения при наличии клинического подозрения.

Особое значение имеют результаты исследования McMillan и соавт. Задержка более чем на одни сутки между появлением симптомов и первым обращением за медицинской помощью была связана с большей вероятностью осложнений при выписке: скорректированное отношение шансов составило 2,88 (95% ДИ 1,13–7,35). В исследуемой группе 43,3% пациентов имели хотя бы одно осложнение, наиболее часто неврологического характера [5]. Следует учитывать, что эти результаты получены в конкретной группе австралийских подростков и молодых взрослых и не должны автоматически распространяться на все возрастные группы.

Таким образом, диагностическая ошибка при ИМИ может заключаться не только в постановке другого диагноза, но и в недооценке тяжести состояния, отсутствии необходимой настороженности при неспецифической симптоматике, позднем распознавании атипичной формы и задержке начала адекватной терапии. NICE также указывает, что ранние проявления менингококковой инфекции могут имитировать другие серьезные заболевания или более легкие вирусные инфекции [8].

Современная лабораторная диагностика

Диагноз ИМИ основывается на совокупности клинических данных и результатов лабораторного исследования. Основными биологическими материалами являются кровь и спинномозговая жидкость. Традиционно используются микроскопия, окраска по Граму и бактериологическое исследование. Культуральный метод остается важным способом выделения возбудителя и последующей характеристики изолята [9].

В последние годы возрастает значение молекулярных методов диагностики. Полимеразная цепная реакция позволяет выявлять ДНК N. Meningitidis, в том числе в ситуациях, когда предварительная антибактериальная терапия снижает вероятность получения положительного результата культурального исследования. Современные данные также указывают на перспективность real-time PCR и полногеномного секвенирования для идентификации возбудителя, определения серогруппы и эпидемиологического мониторинга [9].

При подозрении на бактериальный менингит исследование ликвора имеет большое диагностическое значение. Однако выполнение диагностических процедур не должно неоправданно задерживать начало антибактериальной терапии. Решение о проведении люмбальной пункции и других исследований должно приниматься с учетом клинического состояния пациента и безопасности процедуры [8,10].

Факторы, ассоциированные с тяжелым течением и осложнениями

Тяжесть ИМИ определяется сочетанием клинических и индивидуальных факторов, включая возраст, особенности иммунного ответа, сопутствующие

заболевания, серогруппу возбудителя и скорость прогрессирования инфекции. К состояниям, ассоциированным с повышенным риском инвазивного заболевания и неблагоприятных исходов, относятся некоторые иммунодефицитные состояния, анатомическая или функциональная аспления и ВИЧ-инфекция [11].

Последствия ИМИ могут сохраняться после завершения острого периода заболевания. Среди выживших описаны нарушения слуха, зрения, когнитивные нарушения, эпилепсия и другие неврологические последствия [12]. Поэтому раннее распознавание инфекции важно не только для снижения риска летального исхода, но и для уменьшения вероятности долгосрочных осложнений.

Практический подход к раннему распознаванию

На основании проанализированных данных можно выделить несколько принципов раннего распознавания ИМИ:

1. Не исключать ИМИ при отсутствии полной классической картины менингита.

2. Оценивать сочетание лихорадки с головной болью, рвотой, выраженной слабостью, миалгиями и изменением сознания.

3. Особое внимание уделять признакам сепсиса: геморрагической сыпи, холодным конечностям, тахипноэ, гипотензии и быстрому ухудшению общего состояния.

4. Учитывать возможность атипичных форм, включая абдоминальные проявления, бактериемическую пневмонию и артрит.

5. При клиническом подозрении на ИМИ не откладывать начало эмпирической антибактериальной терапии ради дополнительных исследований.

6. Использовать культуральные и молекулярные методы диагностики с учетом клинической ситуации и доступности методов [7,9,10].

CDC рекомендует при подозрении на менингококковую инфекцию незамедлительно начинать эмпирическую антибактериальную терапию препаратами расширенного спектра группы цефалоспоринов, в частности цефтриаксоном или цефотаксимом [3]. Национальный клинический протокол Республики Казахстан также рассматривает генерализованные формы менингококковой инфекции как

состояния, требующие ранней диагностики и неотложной госпитализации [13].

Заключение

Анализ современной литературы показывает, что одной из основных проблем ранней диагностики менингококковой инфекции является сочетание неспецифической начальной симптоматики с потенциально быстрым прогрессированием заболевания. Головная боль, лихорадка, тошнота и рвота могут предшествовать появлению более характерных признаков менингита или менингококцемии. Отсутствие геморрагической сыпи или выраженного менингеального синдрома на ранней стадии не исключает тяжелую инвазивную инфекцию.

Наиболее существенные диагностические ошибки связаны с ожиданием классической клинической картины, недооценкой неспецифических симптомов и признаков сепсиса, а также с недостаточным учетом атипичных форм заболевания. Результаты современных исследований указывают на связь диагностической задержки с повышенным риском осложнений, хотя конкретные показатели зависят от возраста, клинической группы и условий исследования.

Оптимальный подход заключается в сочетании высокой клинической настороженности, своевременной оценки признаков сепсиса и поражения центральной нервной системы, проведения исследования крови и ликвора по показаниям, использования культуральных и молекулярных методов диагностики и недопущения необоснованной задержки антибактериальной терапии. Дальнейшее изучение факторов диагностической задержки и совершенствование быстрых методов лабораторного подтверждения могут способствовать более раннему распознаванию ИМИ и снижению риска тяжелых последствий.

Список литературы

1. Deghmane A.E., Taha S., Taha M. K. Global epidemiology and changing clinical presentations of invasive meningococcal disease: a narrative review. Infectious Diseases (London). 2022;54(1):1–7. DOI: 10.1080/23744235.2021.1971289.

2. Pardo de Santayana C., Htar M.T.T., Findlow J., Balmer P. Epidemiology of invasive meningococcal disease worldwide from 2010–2019: a literature review.

Epidemiology and Infection. 2023;151:e57. DOI: 10.1017/S0950268823000328.

3. Centers for Disease Control and Prevention. Clinical Guidance for Meningococcal Disease. 2026.

4. Centers for Disease Control and Prevention. Meningococcal Disease: Chapter 14, Pink Book. 2024.

5. McMillan M., Mohammed H., Buttery J., et al. Delayed diagnosis is associated with complications following invasive meningococcal disease in Australian adolescents and young adults. Infection. 2026;54(4):1991–2000. DOI: 10.1007/s15010-026-02827-6.

6. Range of Clinical Manifestations Caused by Invasive Meningococcal Disease Due to Serogroup W: A Systematic Review. Infectious Diseases and Therapy. 2023;12(10):2337–2351. DOI: 10.1007/s40121-023-00869-z. PMID: 37751017.

7. Contreras Cejin M., Koyfman A., Long B. High risk and low incidence diseases: Meningococcal disease. American Journal of Emergency Medicine. 2026; 99:114–122. DOI: 10.1016/j.ajem.2025.09.031.

8. National Institute for Health and Care Excellence (NICE). Evidence review for symptoms and signs associated with meningococcal disease. Meningitis (bacterial) and meningococcal disease: recognition, diagnosis and management. London: NICE; 2024.

9. Ciftci E., Ocal D., Somer A., et al. Current methods in the diagnosis of invasive meningococcal disease. Frontiers in Pediatrics. 2025; 13:1511086. DOI: 10.3389/fped.2025.1511086.

10. World Health Organization. WHO guidelines on meningitis diagnosis, treatment and care. Geneva: WHO; 2025.

11. Dubey H., Oster P., Fazeli M.S., et al. Risk Factors for Contracting Invasive Meningococcal Disease and Related Mortality: A Systematic Literature Review and Meta-analysis. International Journal of Infectious Diseases. 2022; 119:1–9. DOI: 10.1016/j.ijid.2022.03.032.

12. Ladhani S. N. et al. Risk of sequelae after invasive meningococcal disease. 2022. PMID: 35148717.

13. Министерство здравоохранения Республики Казахстан. Клинический протокол диагностики и лечения «Менингококковая инфекция». Протокол №63 от 19 апреля 2019 г.

УДК 616.71-073.75-053.2/.6

ВОЗРАСТНАЯ ДИНАМИКА КОЭФФИЦИЕНТА ОКОСТЕНЕНИЯ ПО ДАННЫМ КОМПЛЕКСНОЙ ЛУЧЕВОЙ ДИАГНОСТИКИ КИСТИ, ЧЕЛЮСТНО-ЛИЦЕВОЙ ОБЛАСТИ И ШЕЙНОГО ОТДЕЛА ПОЗВОНОЧНИКА У ДЕТЕЙ И ПОДРОСТКОВ

Зарецкая Элина Георгиевна

аспирант

ФГБОУ ВО «Российский университет медицины»,

город Москва

Научный руководитель: Слабковская Анна Борисовна,

д.м.н., профессор

Аннотация. *В работе проведён сводный сравнительный анализ динамики коэффициента окостенения (КО) по данным рентгенографии кисти, КЛКТ челюстно-лицевой области и шейного отдела позвоночника у четырёх возрастных групп (3–7, 7–12, 12–16 и 15–21 год). Установлено, что формирование скелета ЧЛО носит волнообразный характер. Норму сменяет предпубертатное отставание, затем резкий пубертатный скачок опережающего созревания. В постпубертатном периоде показатели выходят на терминальное плато. Норма коэффициента окостенения в старшей группе фиксируется у 59,8% пациентов, опережение - у 32,6%, отставание сохраняется лишь у 7,6%. Показана чёткая корреляция стадий оссификации кисти, созревания шейных позвонков и синостозирования швов черепа.*

This study presents a summary comparative analysis of the ossification coefficient (OC) dynamics based on hand-wrist radiography and CBCT of the maxillofacial area and cervical spine across four age groups (3–7, 7–12, 12–16, and 15–21 years). Maxillofacial skeletal formation was found to follow a wave-like pattern. Normal

maturation is followed by a prepubertal lag and then a sharp pubertal acceleration. In the postpubertal period, indicators reach a terminal plateau. In the oldest group, normal OC values were recorded in 59.8% of patients, accelerated maturation in 32.6%, and lag in only 7.6%. A clear correlation was demonstrated between hand ossification stages, cervical vertebral maturation, and cranial suture fusion.

Ключевые слова: *костный возраст, коэффициент окостенения, рентгенография кисти, КЛКТ, шейный отдел позвоночника, скелетная зрелость, ортодонтия, пубертатный скачок роста*

Keywords: *bone age, ossification coefficient, hand-wrist radiography, CBCT, cervical spine, skeletal maturity, orthodontics, pubertal growth spurt*

Определение биологического (костного) возраста - фундаментальная задача ортодонтии и челюстно-лицевой хирургии. Эффективность лечения зависит от скелетной зрелости, а не паспортного возраста; расхождение может достигать нескольких лет. Золотой стандарт - рентгенография кисти (стадии окостенения запястья, пясти, фаланг) [1], но она отражает лишь общее соматическое развитие и не всегда коррелирует с ростом челюстно-лицевой области. Поэтому развивается мультимодальная оценка: стадии созревания шейных позвонков [2], оценка структур черепа (пневматизация пазух, состояние швов и синхондрозов). Значимость лицевого роста подтверждена классическими работами с металлическими имплантатами [3]. Совмещение методов даёт взаимодополняющую картину созревания скелета и лицевого скелета, повышая точность прогноза ростового потенциала. Это критично при планировании лечения скелетных аномалий прикуса: выбор между функциональным и хирургическим методом зависит от завершённости активного роста челюстных костей [4]. Современные руководства требуют учёта биологического возраста при определении показаний к аппаратному лечению [5].

Цель исследования: сводный сравнительный анализ возрастной динамики коэффициента окостенения (КО) по данным рентгенографии кисти, КЛКТ челюстно-лицевой области и шейного отдела позвоночника у пациентов разных возрастных групп для определения этапности созревания осевого скелета и

структур лица.

Материалы и методы. Пациенты разделены на четыре возрастные группы: I - 3–7 лет (раннее детство), II - 7–12 лет (сменный прикус, предпубертат), III - 12–16 лет (пубертат), IV - 15–21 год (постпубертат). Для каждого проводилось три метода:

1) рентгенография кисти - ядра окостенения запястья, сесамовидная кость, рост пястных костей, синостозирование эпифизов и метафизов;

2) КЛКТ шейного отдела - стадии созревания позвонков (I–VI) по форме тела, нижней вогнутости, шейному лордозу;

3) КЛКТ черепа и пазух - пневматизация верхнечелюстных пазух, состояние срединного нёбного шва, закрытие клиновидно-затылочного синхондроза. КО - интегральный показатель соответствия скелетной зрелости возрастному нормативу: отставание, норма, опережение. Результаты обобщены в процентах по группам.

Результаты и обсуждение. В I группе преобладает норма КО (62%): ядра окостенения кисти появляются последовательно при несомкнутых дистальных эпифизах, шейные позвонки трапециевидной формы при несформированном лордозе (I–II стадии), рост челюстей сопровождается умеренной пневматизацией пазух при открытом нёбном шве. Во II группе - сдвиг к отставанию КО (50% случаев): период смены прикуса перед пубертатным скачком; на кисти - формирование сесамовидной кости и активный рост пястных костей; позвонки - горизонтально-прямоугольная форма (превалирует II стадия); пневматизация пазух достигает 2/3 объёма, нёбный шов начинает уплотняться. В III группе - резкий скачок в сторону опережения (71,5%): пубертатный пик; завершение синостозирования эпифизов и метафизов кисти, III–IV стадии зрелости позвонков (вертикально-прямоугольная форма), полное синостозирование нёбного шва (100%). В IV группе - замедление и плато: норма КО у 59,8% пациентов, значительная доля опережения (32,6%), отставание сохраняется у 7,6%; финальные V–VI стадии созревания позвонков, закрытие клиновидно-затылочного синхондроза у 93,5% пациентов подтверждают завершение активного роста.

Вывод: выявлена волнообразная закономерность формирования скелета челюстно-лицевой области: стабильная норма в раннем детстве, предпубертатное отставание, резкий пубертатный скачок опережения, последующая стабилизация с выходом на терминальное плато (норма у 59,8%, отставание у 7,6%).

Список литературы

1. Greulich W.W., Pyle S. I. Radiographic Atlas of Skeletal Development of the Hand and Wrist. 2nd ed. - Stanford: Stanford University Press, 1959. - 256 p.

2. Baccetti T., Franchi L., McNamara J.A. An improved version of the cervical vertebral maturation (CVM) method for the assessment of mandibular growth / Angle Orthodontist. - 2002. - Vol. 72, № 4. - P. 316–323.

3. Björk A. Facial growth in man, studied with the aid of metallic implants / Acta Odontologica Scandinavica. - 1955. - Vol. 13, № 1. - P. 9–34.

4. Персин Л. С. Ортодонтия. Диагностика и лечение зубочелюстно-лицевых аномалий и деформаций: учебник / Л. С. Персин [и др.]. - М.: ГЭОТАР-Медиа, 2022. - 640 с.

5. Проффит У. Р. Современная ортодонтия / пер. с англ.; под ред. Л. С. Персина. - М.: МЕДпресс-информ, 2006. - 560 с.

УДК 616.314.17-008.1:616.316-008.8:616.314-089.23

ОЦЕНКА БИОХИМИЧЕСКИХ МАРКЕРОВ СЛЮНЫ У ПАЦИЕНТОВ С ХРОНИЧЕСКИМ ГЕНЕРАЛИЗОВАННЫМ ПАРОДОНТИТОМ И ОРТОПЕДИЧЕСКИМИ КОНСТРУКЦИЯМИ В ПОЛОСТИ РТА

Истомина Елена Сергеевна

ассистент

ФГБОУ ВО «Российский университет медицины»,

город Москва

Научный руководитель: Ревазова Залина Эльбрусовна,

д.м.н., доцент

Аннотация. *В статье представлены результаты исследования биохимических маркеров ротовой жидкости (цистатин С, D-димер, секреторный иммуноглобулин А) у пациентов с хроническим генерализованным пародонтитом (ХГП) при наличии и отсутствии ортопедических конструкций. Корреляционный анализ взаимосвязи биохимических показателей слюны с клиническими индексами воспаления и количеством сохраненных зубов, показал, что развитие хронического пародонтита сопровождается достоверным снижением антипротеиназной (цистатин С) и иммунной (sIgA) защиты слюны на фоне многократного роста маркера микротромбоза (D-димер), что позволяет рассматривать данные показатели как объективные критерии тяжести и прогноза течения заболевания.*

The article presents the results of a study of biochemical markers of oral fluid (cystatin C, D-dimer, secretory immunoglobulin A) in patients with chronic generalized periodontitis (CGP) with and without orthopedic constructions. A correlation analysis of the relationship between salivary biochemical parameters and clinical inflammation indices and the number of retained teeth was carried out. It was established

that the development of chronic periodontitis is accompanied by a significant decrease in the antiprotease (cystatin C) and immune (sIgA) protection of saliva against the background of a multiple increase in the marker of microthrombosis (D-dimer), which allows these indicators to be considered as objective criteria for the severity and prognosis of the disease.

Ключевые слова: *хронический генерализованный пародонтит, ротовая жидкость, цистатин С, D-димер, секреторный иммуноглобулин А, биомаркеры, ортопедические конструкции*

Keywords: *chronic generalized periodontitis, oral fluid, cystatin C, D-dimer, secretory immunoglobulin A, biomarkers, orthopedic constructions*

В последние годы интерес у исследователей вызывает поиск неинвазивных лабораторных маркеров, отражающих активность деструктивных процессов в клетках пародонта на доклиническом и субклиническом уровне [1,3,4]. Появление биомаркеров - биологических молекул, обнаруживаемых в биологических жидкостях, таких как слюна и жидкость десневой борозды, открывает возможности для ранней диагностики, прогнозирования и персонализации лечения заболеваний пародонта [2,5].

Цель исследования - изучить содержание цистатина С, D-димера и секреторного иммуноглобулина А в ротовой жидкости пациентов с хроническим генерализованным пародонтитом при наличии и отсутствии ортопедических конструкций и установить их корреляционную связь с клиническими показателями состояния пародонта.

Материалы и методы. 35 пациентов (35–65 лет) разделены на 3 группы: КГ (n=13) - без патологии; ХГП (n=9) - хронический генерализованный пародонтит; ХГП+ОЛ (n=13) - пародонтит с ортопедическими конструкциями. Слюну собирали утром натощак, центрифугировали и хранили при −20 °C. Уровни цистатина С, D-димера и sIgA определяли методом ИФА; клинические индексы (GI, SBI, КПУ) оценивали параллельно. Статистика: M±m, t-критерий Стьюдента, корреляция Пирсона.

Результаты. В КГ уровень цистатина С - 5,32±0,39 мкг/мл. В ХГП -

статистически значимое снижение до 3,83±0,60 мкг/мл; в ХГП+ОЛ - 4,17±0,61 мкг/мл (также снижен). D-димер в КГ - 831±251 нг/мл. В ХГП+ОЛ - рост в 2,4 раза (2024±748 нг/мл), в ХГП - более чем в 3 раза (2642±1162 нг/мл). sIgA в КГ - 34,2±0,55 мг/мл. В ХГП+ОЛ - достоверное снижение до 31,3±1,39 мг/мл, в ХГП - до 30,9±1,67 мг/мл (p <0,05). Хронический пародонтит - как с ортопедическим лечением, так и без него - характеризуется «биохимическим стрессом»: достоверное снижение цистатина С и sIgA - ослабление антиферментного и иммунного барьеров, многократный рост D-димера - тяжелые расстройства гемомикроциркуляции.

Проведен корреляционный анализ (рисунок 1) между индексами GI, SBI, количеством сохраненных зубов, индексом КПУ и уровнями цистатина С, D-димера и sIgA у пациентов с ХГП (основная группа и группа сравнения).

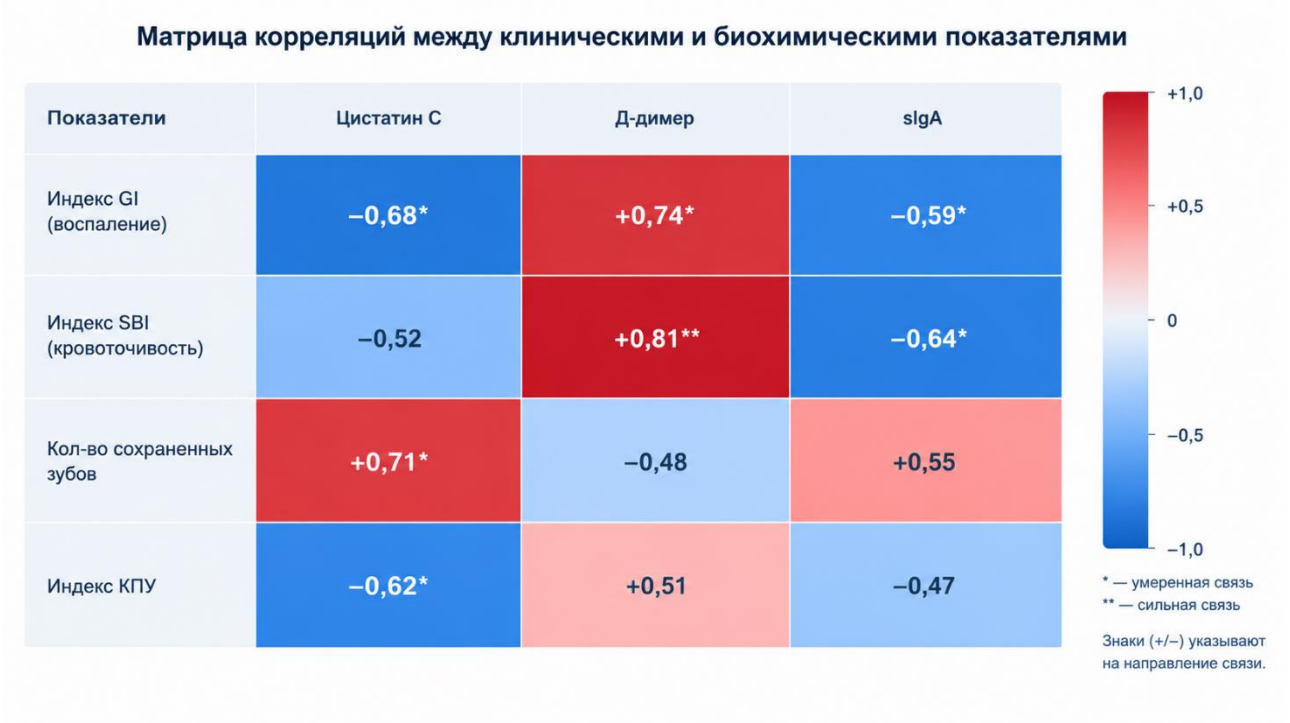

Рисунок 1 – Результаты корреляционного анализа между клиническими индексами и биохимическими показателями слюны

Между D-димером и индексами воспаления - сильная прямая корреляция (r=0,74 с GI, r=0,81 с SBI): чем выше индекс кровоточивости и выраженность воспаления, тем выше концентрация D-димера в слюне, что подтверждает патогенетическую цепочку «воспаление → нарушение микроциркуляции →

микротромбоз сосудов пародонта → повышение продуктов распада фибрина». Между цистатином С и индексом GI - обратная связь средней силы (r=−0,68): при увеличении клинических признаков воспаления уровень защитного белка снижается, что указывает на прогрессирование пародонтита на фоне истощения антипротеиназного потенциала слюны. Сильная прямая зависимость между количеством сохраненных зубов и уровнем цистатина С (r=0,71) позволяет рассматривать этот показатель как прогностический маркер сохранности твердых тканей: его дефицит коррелирует с ускоренной потерей зубов (компонент «У» индекса КПУ). Отрицательная связь между количеством зубов и D-димером (r=−0,48) указывает, что хроническое нарушение кровоснабжения - один из факторов, способствующих постепенной потере зубов при ХГП. Обратная корреляция между sIgA и SBI (r=−0,64) объясняется тем, что при дефиците секреторных антител происходит неконтролируемый рост пародонтопатогенной микрофлоры, повреждающей эпителиальный барьер и вызывающей воспалительную реакцию сосудов десны.

Выводы. Цистатин С отражает сохранность зубов; D-димер - тяжесть воспаления; sIgA указывает на иммунодефицит при наличии зубных протезов в полости рта. Рекомендуется включение иммуномодуляторов в терапию и использование этих маркеров для мониторинга лечения.

Список литературы

1. Новые биомаркеры для диагностики заболеваний рта: обзор литературы / КиберЛенинка: науч. электрон. б-ка. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/novye-biomarkery-dlya-diagnostiki-zabolevaniy-rta-obzor-literatury (дата обращения: 27.09.2026).

2. Корреляционный анализ микроциркуляторных изменений и степени тяжести воспалительного процесса пародонта / КиберЛенинка: науч. электрон. б-ка. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/korrelyatsionnyy-analiz-mikrotsirkulyatornyh-izmeneniy-i-stepeni-tyazhesti-vospalitelnogo-protsessa-parodonta.

3. Цистатин С – показатели и клиническое значение / Лаборатория Хеликс.

– URL: https://helix.ru/kb/item/06-263.

4. Определение секреторного иммуноглобулина А в слюне: методика и клиническое значение / Аскепий ДВ: медицинский центр. – URL: https://asklepiy-dv.ru/services/laboratory/immunologicheskie-issledovaniya/immunoglobulin-sa-sekretornyj/.

5. Слюна и её роль в поддержании гомеостаза полости рта: учеб.-метод. пособие / РНИМУ им. Н. И. Пирогова. – М., 2020. – URL: https://rsmu.ru/fileadmin/templates/DOC/Faculties/LF/bmb/stomatologia.pdf.

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 347

ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕГЛАМЕНТАЦИИ КОРПОРАТИВНОГО ДОГОВОРА И ВОЗМОЖНЫЕ ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

Гольцов Владимир Борисович
доктор юридических наук, доцент,
Международный банковский институт им. А. Собчака,
г. Санкт-Петербург
Голованов Николай Михайлович
кандидат юридических наук, профессор
Гатчинский государственный университет,
город Гатчина, Ленинградская область

Аннотация. *В статье рассматривается правовая основа корпоративного договора, его юридическая сила в сравнении с уставом хозяйственного общества; полемика в отношении отрасли права, к которой он относится и, как следствие, неоднозначная судебная практика по спорам между его участниками. Вскрываются основные проблемные вопросы правового регулирования корпоративного договора, вносятся предложения по их разрешению.*

Annotation. *The article examines the legal basis of a corporate agreement, its legal force in comparison with the charter of a business company; the debate regarding the branch of law to which it belongs, and, as a result, the ambiguous judicial practice regarding disputes between its participants. The main problematic issues in the legal regulation of a corporate agreement are identified, and proposals for resolving them are put forward.*

Ключевые слова: *корпоративный договор, участник корпоративного договора, кредитор, инвестор, покупатель доли (акций) хозяйственного общества*

Keywords: *corporate agreement, party to a corporate agreement, creditor, investor, buyer of a share (stock) in a business entity*

Корпоративный договор выступает в правовой системе Российской Федерации в качестве практического инструмента, позволяющего участникам бизнеса гибко регулировать свои отношения там, где жёсткие нормы закона или устав оставляют пространство для манёвра.

Регламентация корпоративного договора осуществляется тремя ключевыми источниками: статьёй 67.2 Гражданского кодекса РФ (ГК РФ), устанавливающей общие нормы для всех хозяйственных обществ, пунктом 3 статьи 8 Федерального закона от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» (далее Закон об ООО), определяющим содержание договора об осуществлении прав участниками ООО, и статьёй 32.1 Федерального закона от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» (далее Закон об АО), упорядочивающей заключение акционерного соглашения.

Правовая основа корпоративного договора, согласно указанным нормативным правовым актам:

– позволяет его участникам уточнить и дополнить устав в тех случаях, когда это делает его излишне громоздким, и, в частности, предусмотреть механизм разрешения тупиковых ситуаций (например, когда отсутствует возможность принять решение по принципиальному вопросу, требующему единогласия или квалифицированного большинства), детализировать условия о непропорциональном распределении дивидендов, ограничения на отчуждение долей (акций), правила привлечения инвесторов;

– снижает риски конфликтов за счёт фиксации в договоре, как именно участники будут согласовывать позиции перед голосованием по тем или иным вопросам, как будут распределять прибыль, каковы условия опциона, когда и как можно выкупить долю (акции), выбывающего из бизнеса участника;

– защищает интересы третьих лиц, а не только участников: в корпоративный договор могут быть включены условия, которые обеспечивают интересы кредиторов, инвесторов, потенциальных покупателей отчуждаемых долей

(акций). Например, в части, касающейся кредиторов, в договоре можно закрепить обязательство участников не выводить ключевые активы, голосовать определённым образом по наиболее важным вопросам, что даёт дополнительные гарантии возвращения кредитору предоставленных средств с обусловленными процентами. Интересы инвестора могут быть защищены посредством включения в договор перечня вопросов, требующих обязательного с ним согласования. Для потенциального покупателя доли (акций) в договор может быть включена норма, предусматривающая, что при отчуждении участником принадлежащей ему доли (акций) в уставном капитале новый участник не войдёт в капитал, а условия выхода текущих участников из общества будут заранее с ним согласованы;

– обеспечивает конфиденциальность договорённостей, которые целесообразно держать в тайне от посторонних, например, об уникальных технологиях, о ноу-хау, клиентской базе, бизнес-планах или стратегических наработках, утечка которых может нанести серьёзный ущерб бизнесу. По общему правилу содержание корпоративного договора не раскрывается публично — достаточно уведомить о нём само общество. Это важно для сохранения коммерческой тайны и доверия между партнёрами;

– предоставляет возможность **а**даптировать корпоративный договор под меняющиеся обстоятельства или новые задачи, ибо изменение устава — процедура не простая: нужно решение общего собрания, нотариальное удостоверение и регистрация в налоговой инспекции. Корпоративный договор стороны могут скорректировать простым письменным соглашением. Поэтому, если есть риск, что со временем правила придётся адаптировать, их логичнее заложить в договор.

Практика применения корпоративного договора показывает, что в его правовом регулировании длительное время, сохраняется ряд проблем, обозначившихся ещё с момента внесения в ГК РФ в 2014 году ст. 67.2, посвящённой данному договору. Эти проблемы во многом связаны как с доктринальными спорами о правовой природе корпоративного договора, обусловленными крайне размытыми линиями разграничения между традиционным договорным

институтом и институтом корпоративного договора [7, с. 53], так и с неоднозначной судебной практикой, рассматривающей споры между его участниками.

В науке отсутствует единое понимание, к какой отрасли права относится корпоративный договор: является ли он чисто гражданско-правовым обязательством или представляет собой самостоятельный институт корпоративного права с регламентацией в нем особого правоотношения. Мнения учёных разделились: одни считают его обычным гражданско-правовым договором, определяющим обязательства сторон, и потому к нему должны применяться общие нормы об обязательствах и сделках (ст. 307, 420 ГК РФ) [1, с. 3; 6, с. 7]; другие рассматривают корпоративный договор как корпоративный акт договорной формы, который не порождает классической корреспонденции «кредитор — должник», а создаёт норму поведения, регулирующую корпоративные отношения, которые возникают как внутри корпорации, так и вне ее, и поэтому являются частью предпринимательского права [4, с. 43]. Сторонники второго подхода считают, что слово «договор» здесь вообще условно и имеет не юридическое, а морфологическое значение. Есть и третий — смешанный (дуалистический) подход, пытающийся соединить достоинства обоих предыдущих подходов и состоящий в том, что корпоративный договор – это гражданско-правовой договор по форме, создающий обязательства корпоративного содержания [2, с. 15]. Данная точка зрения базируется на том, что корпоративный договор сочетает в себе два пласта, с одной стороны, в нём наличествует соглашение между конкретными лицами (обязательственно-правовая сторона), а с другой — он напрямую влияет на управление самой корпорацией, устанавливает её внутреннюю структуру. Отсюда в нём могут присутствовать элементы, которые одновременно порождают и обязательственные отношения (возникающие из договоров, деликтов, неосновательного обогащения — и касающиеся широкого круга имущественных и неимущественных отношений между независимыми лицами), и корпоративные (как будет голосовать участник на собрании; при каких условиях участник может продать свою долю; каковы критерии, которым должен соответствовать кандидат в участники; кто может претендовать на непропорциональное распределении

прибыли и другие вопросы, возникающие в связи с участием в обществе или управлением им).

Приведённая дискуссия о сути корпоративного договора напрямую влияет на судебную практику. Если исходить из одной парадигмы (например, что «это просто гражданско-правовой договор»), то будут применяться общие правила о сделках, свободе договора, способах обеспечения обязательств. Если принимается позиция, что перед нами корпоративный акт (особенно когда его подписали все участники общества), то к такому соглашению могут применяться иные, более строгие корпоративные ограничения. В итоге одни и те же условия в разных делах суды могут оценивать по-разному. Проиллюстрируем данное утверждение актами судебной практики.

21 арбитражный апелляционный суд (ААС) в постановлении от 29.01.2024 № 21АП-3739/23 по делу № А84-7448/22, руководствуясь обязательственной концепцией, что корпоративный договор — это обычная сделка между участниками, осуществляемая в рамках свободы договора (ст. 421 ГК РФ), признал, что сторона такого договора может принять на себя обязательство передать часть имущества общества другому участнику и, соответственно, именно он несёт ответственность перед участником-получателем, а не само общество. В другом случае 9 ААС в постановлении от 27.03.2025 № 09АП-6959/25 по делу № А40-130426/2024, исходя из корпоративной концепции, что корпоративный договор не может регулировать правовой режим имущества общества и создавать обязанности для третьих лиц, включая само общество (п. 5 ст. 67.2 ГК РФ), указал, что условие о передаче имущества общества одному из участников не соответствует закону. Получается, что в первом случае суды имеют в виду договор, регулирующий сделку с присущими ей обязательствами (участник просто обязался что-то сделать), а во втором — применяют корпоративные ограничения: договор не может подменять императивное регулирование о переходе прав на имущество.

Имеются и проблемы в определении юридической силы корпоративного договора в сравнении с уставом общества. Согласно п. 2 ст. 67.2 ГК РФ,

положения корпоративного договора, противоречащие уставу, не влекут недействительности самого договора, но не подлежат применению в части такого противоречия. Это создаёт риск правовой неопределённости: стороны могут столкнуться с тем, что их «гибкое» соглашение будет «приземлено» до рамок устава. Суды демонстрируют неоднозначную позицию в толковании норм ст. 67.2 ГК РФ. В одних случаях они поддерживают использование корпоративного договора как инструмента урегулирования споров, в других — признают недействительными положения, выходящие за рамки прав участников, прямо установленных законом или уставом общества. К примеру, 14 ААС в постановлении от 19.09.2018 по делу № А05-5167/2018) указал, что устав как учредительный документ имеет приоритет, и условия корпоративного договора, ему противоречащие, не должны применяться. Противоположную точку зрения изложил 5 ААС в постановлении от 20.04.2021 по делу № А51-10585/2020), состоящую в том, что корпоративный договор, заключённый всеми участниками общества, приобретает характер корпоративного акта и не уступает по силе уставу.

Приведём ещё примеры неоднозначного понимания судами норм о корпоративном договоре. В решении от 9 июля 2019 года по делу № А40-266761/2018, рассмотренном Арбитражным судом г. Москвы, было отказано признать недействительными пункты корпоративного договора, предусматривающие право одного из участников инициировать вопрос о смене генерального директора при определённых обстоятельствах. Суд указал, что эти пункты определяют порядок действий сторон по управлению обществом, а не структуру или компетенцию органов управления, что запрещено абз. 3 п. 2 ст. 67.2 ГК РФ, и потому соответствуют закону. В других делах суды признавали недействительными аналогичные по смыслу условия, квалифицируя их как скрытое определение компетенции органов общества — то есть как условие, которое должно быть закреплено в уставе, а не в договоре между участниками. Показательным в этом отношении является решение Арбитражного суда Рязанской области от 16 февраля 2026 года по делу № А54-1688/2025, которым были признаны недействительными два договора о передаче части полномочий единоличного исполнительного органа

управляющей организации. Суд усмотрел в этих договорах намерение обойти императивное требование абз. 3 п. 2 ст. 67.2 ГК РФ. Таким образом, на сегодняшний день ни в законе, ни в судебной практике нет однозначного ответа, какой из изложенных выше подходов должен преобладать. Пленум ВС РФ в п 37 Постановлении от 23 июня 2015 г. № 25 частично снял остроту, указав, что стороны не могут ссылаться на недействительность договора из-за противоречия уставу, но вопрос о том, какие условия выходят за пределы предмета корпоративного договора, остаётся открытым до настоящего времени и решается по-разному.

Отметим далее наличие проблемы с защитой прав участников корпоративного договора, например, когда стороны включают в договор нестандартные условия, вроде механизма drag-along, позволяющего мажоритарному акционеру при продаже своей доли третьему лицу обязать миноритарных акционеров продать свои доли тому же покупателю и на тех же условиях, на каких это сделал он сам (цена, способ оплаты, сроки и т.п.). Здесь сложно сразу понять, как суд будет квалифицировать такие положения — как чисто обязательственные или как затрагивающие корпоративную структуру. Это ведёт к разным подходам в судебной практике и затрудняет прогнозирование исхода дела.

Положительным примером принудительной продажи доли по корпоративному договору является дело № Ф05-13050/2018, рассмотренное Арбитражным судом Московского округа от 28.08.2018, в постановление которого было указано, что заключив корпоративный договор, стороны согласовали условия отчуждения доли по определённой цене при наступлении определённых обстоятельств, и односторонний отказ от его исполнения нарушает условия договора. Противоположное по содержанию постановление было принято тем же судом по делу № Ф05-22043/2023 от 13 ноября 2023 года. В этом деле суд не стал применять механизм drag-along в пользу мажоритария, отметив, что условие drag-along в корпоративном договоре нарушает баланс интересов сторон и является несправедливым. Заметим, что даже, если суд признает само условие drag-along допустимым и действительным**,** то защитить состоявшееся решение через понуждение ответчика к продаже долей фактически не работает, поскольку в

российском исполнительном производстве нет механизма, который позволил бы принудительно заключить сделку от имени уклоняющегося акционера. Соответственно, суды в ситуации с drag-along ограничиваются при неисполнении в этой части требования корпоративного договора взысканием убытков и неустойки (см. Постановление арбитражного суда Московского округа от 28.11.2017 № Ф05-17142/2017 по делу № А40-56243/2014; Определение Верховного Суда РФ от 03.10.2016 № 304-ЭС16-11978 по делу № А45-12277/2015).

Остановимся на сложностях с защитой прав кредиторов, инвесторов и потенциальных покупателей долей в уставном капитале общества в связи с наличием в нём корпоративного договора. Так, кредиторы не могут напрямую требовать от участников общества соблюдения условий корпоративного договора, поскольку они не являются его сторонами. К примеру, если ограничение на совершение определённых сделок прописано в корпоративном договоре, кредитору крайне трудно доказать, что контрагент по сделке знал или должен был знать об этом ограничении, поскольку корпоративный договор, как правило, носит конфиденциальный характер. Существует также риск недобросовестных действий со стороны участников общества, которые могут в одностороннем порядке изменить условия корпоративного договора, выгодные только им, но ущемляющие права кредиторов.

Инвесторы и потенциальные покупатели долей также могут оказаться в уязвимой позиции. Инвестор не вправе обязать стороны корпоративного договора включить в сделку выгодные для него условия, так как не является его стороной; нельзя в договоре обязать участников платить инвестору фиксированную сумму — это решение должно проходить через общее собрание. Инвесторы, вложившиеся в конвертируемые или структурные облигации общества, формально остаются кредиторами. Они не могут оперативно запретить рискованную сделку акционеров или получить информацию напрямую. Корпоративный договор может закрыть этот пробел, но лишь если право на его заключение заранее закреплено в эмиссионной документации и, если стороной выступает единый представитель владельцев облигаций, а не отдельный инвестор. Если в договоре нет

защитного механизма, который бы предотвращал непропорциональное уменьшение доли инвестора при последующих раундах финансирования, то при привлечении нового капитала по более низкой оценке (down round) доля инвестора может быть размыта до критически малых величин.

В свою очередь для потенциального покупателя доли (акций) в уставном капитале предусмотренная для него в корпоративном договоре гарантия её приобретения в случае отчуждения участником может не сработать, поскольку закон даёт такому участнику право распоряжаться принадлежащей ему долей (акциями) сообразно своим собственным интересам (п. 1 ст. 65.2 ГК РФ, п. 1 ст. 8 и ст. 21 Закона об ООО, п. 1 ст. 2 Закона об АО). Следуя этой норме, выходящий из корпоративного договора участник может обойти договор и продать долю (акции) третьему лицу, минуя согласованный механизм.

Заслуживает внимания разрыв в регулировании корпоративных отношений между Законом об АО и Законом об ООО. Статья 32,1 первого из них и п. 3 ст. 8 второго различаются по объёму регулирования. В статье 32.1 акцент делается на особенностях осуществления прав, удостоверенных акциями (ценными бумагами), и на ряде процедурных моментов, в то время как п. 3 ст. 8 - на регулировании договора об осуществлении прав участниками, то есть долями в уставном капитале. В результате одни и те же по сути договорённости в АО и в ООО могут регулироваться чуть иначе с точки зрения закона. Когда возникает спор, участникам корпоративного договора приходится ориентироваться на две разные правовые базы. Иногда это приводит к неоднозначности: какая норма в конкретной ситуации имеет приоритет? Например, вопрос о том, можно ли в корпоративном договоре прописать механизм разрешения тупиковых ситуаций, в АО регулируется ст. 32.1, а в ООО — п. 3 ст. 8, и подходы судов не всегда совпадают. В АО по ст. 32.1 суд не вмешивается в сам корпоративный конфликт, — он лишь может оценить, не нарушило ли решение органа общества условия корпоративного договора. В ООО подход ориентирован больше на поиск баланса интересов: суд может оценить, действительно ли предложенный в договоре выход из тупика справедлив и не приведёт ли к несправедливому лишению одного

из участников его прав.

Разночтения между Законом об ООО и Законом об АО устанавливают определённые ограничения для третьих лиц, вступающих в правоотношения с участниками корпоративного договора. Статья 67.2 ГК РФ, например, в связке с п. 3 ст. 8 Закона об ООО допускает заключение договора третьих лиц (кредиторов, будущих инвесторов, бенефициаров) с участниками общества, которые берут на себя обязательство (голосовать определённым образом, согласованно действовать и т.п.) в целях обеспечения охраняемого законом интереса такого третьего лиц. В акционерном соглашении в соответствии со ст. 32.1 Закона об АО сторонами могут быть только действующие акционеры. Это сужает возможности для структурирования сложных сделок.

Как представляется, решить отмеченные выше проблемы можно следующим образом.

В части устранения ситуации неопределённости, когда суды в схожих делах применяют разные правовые подходы (обязательственный или корпоративный), целесообразно:

– закрепить в ГК РФ легальное определение корпоративного правоотношения, определить его структуру и содержание, чтобы процессуальный закон опирался на материально-правовую базу, а не конструировал понятие самостоятельно;

– заменить открытый перечень дел по корпоративным спорам, предусмотренный ст. 225.1 АПК РФ, исчерпывающим списком либо ввести тест квалификации с приоритетом характера требования над субъектным составом;

– ввести в Закон об ООО новую статью 8.1, которая по содержанию и структуре будет аналогична ст. 32.1 Закона об АО. В результате оба специальных закона (об ООО и об АО) будут содержать детальные правила о корпоративных договорах, а ГК РФ сохранит общие нормы (ст. 67.2), применимые ко всем корпоративным договорам;

– дополнить ч. 4 ст. 151 ГПК РФ правилом об обязательном объединении в одно производство дел по спорам, которые порождают и корпоративные, и

обязательственные требования во избежание вынесения противоречащих решений.

Для устранения ситуации, связанной с параллельно существующими в правовом поле двух взаимоисключающих норм, касающихся юридической силы корпоративного договора и устава общества, каждая из которых может быть признана действительной, оптимальным видится вариант, закрепляющий приоритет устава в целом, но при этом дать судам инструмент для оценки конкретных условий на предмет их соответствия закону и добросовестности. Это позволило бы избежать как излишнего формализма, так и ситуаций, когда отдельные участники злоупотребляют свободой договора в ущерб остальным. В законодательном порядке необходимо:

– указать, что устав имеет преимущественную силу. Участники, несогласные с противоречащим уставу условием договора, могут оспорить его в суде. Это обеспечило бы необходимый баланс между рассматриваемыми документами: устав как учредительный документ задаёт общие рамки, а корпоративный договор лишь дополняет их для подписавших;

– чётко определить, какие вопросы по закону должны регулироваться только уставом (например, ключевые аспекты правового положения общества), а какие участники вправе детализировать в корпоративном договоре;

– ввести дополнительные гарантии для участников общества, не подписавших корпоративный договор: уточнить правила, которые позволят им получать информацию о его содержании (например, через судебный порядок при доказанной соответствующей заинтересованности);

– сформулировать критерии допустимости условий корпоративного договора (соответствие императивным нормам закона; соблюдение баланса интересов участников; добросовестность и исключение злоупотребления правом; недопустимость ограничения прав лиц, не связанных с договором; соответствие существу законодательного регулирования; защита слабой стороны (миноритарные участники), публичных интересов и интересов кредиторов.

В связи с тем, что на данный момент в России нет прямого

законодательного закрепления drag-along, хотя на практике такие условия включают в корпоративные договоры, опираясь на принцип свободы договора. Можно было бы прямо предусмотреть в законе:

– возможность структурировать drag-along через опционные договоры или опционы на заключение договора;

– установить чёткие юридические последствия при неисполнении обязанности уступить права по опциону, и в частности, предоставить право стороне договора потребовать возврата переданных инициатору акций и право признать договор с приобретателем недействительным;

– возложить на инициатора отчуждения доли обязанность уведомления покупателя о действующих в корпоративном договоре механизмах drag-along, а также других участников корпоративного договора о намерении продать долю (акции); неисполнение этой обязанности должно давать приобретателю право расторгнуть договор в одностороннем порядке.

Относительно решения проблем, касающихся кредиторов, инвесторов и потенциальных покупателей доли (акций) в обществе, можно было бы предложить следующее.

В части защиты прав кредиторов:

– интегрировать Единый реестр уведомлений (ЕРУ) с цифровыми платформами Федеральной налоговой службы (ФНС) и Банка России, что позволит автоматически оповещать кредиторов о ключевых событиях, связанных с корпоративными коммерческими обществами, и в частности с совершением сделок, ухудшающих их платёжеспособность;

– предусматривать в кредитном договоре, наряду с другими способами обеспечения обязательства, условия о контроле за сделками должника, согласование сделок, механизмы влияния на управление (например, включение в совет директоров представителя кредитора через корпоративный договор), опцион на приобретение доли при нарушении условий договора;

– на законодательном уровне уточнить критерии для оспаривания сделок, и в частности, критерии мнимости, притворности, недобросовестности сторон;

– установить минимальные сроки исковой давности для оспаривания сделок, с тем чтобы защитить кредиторов от бесконечно тянущихся споров, или скорректировать правила субординации, то есть понижения в очерёдности удовлетворения требования, исходя из статуса кредитора, характера финансирования, финансового состояния должника на момент сделки;

– закрепить в законе приоритетное удовлетворение требований кредиторов за счёт заложенного имущества, если залог предусмотрен в качестве обеспечительной меры при предоставлении кредита.

В части защиты прав инвесторов:

– предусмотреть в законе право инвестора на информацию по всем вопросам функционировании общества;

– ужесточить правила об отчётности и обязательности публикации данных, которые критически важны для принятия инвестиционных решений (выручка; чистая прибыль; денежный поток; уровень рентабельности; данные об объёмах производства, о загрузке мощностей, новых контрактах, выходе новых продуктов или уходе ключевых клиентов, возможных рисках, **с**ведениях о ключевых руководителях, об их опционных программах, о конфликтах интересов, крупных сделках, об офертах, изменениях в регуляторной среде;

– прописать в корпоративном договоре вопросы, регулирующие порядок голосования; условия выхода из договора; оценки долей и разрешения споров; право инвестора на приобретение доли по заранее определённой цене; право вето инвестора по ключевым вопросам (смена директора, крупные сделки, изменение устава); право на участие в общих собраниях, внесения вопросов в повестку, выдвижения кандидатов в органы управления, обращения в надзорные органы при выявлении допускаемых нарушений;

– усилить роль Банка России в проверке деятельности обществ, выдаче предписаний при выявлении нарушений, во вступлении в судебные процессы для защиты интересов инвесторов.

В части защиты прав потенциальных покупателей доли в обществе:

– зафиксировать в корпоративном договоре обязанность продавца дать

заверения о составе активов; финансовом состоянии; отсутствии скрытых обязательств (налоговые доначисления; неисполненные обязательства; потенциальные обязательства по компенсации ущерба окружающей среде, которые не отражены в отчётности); **о**бязательства из-за недобросовестных действий**;** судебные споры и др.). Недостоверность представленной информации даст покупателю право на возмещение убытков или расторжение договора;

– предусмотреть в корпоративном договоре проведение комплексной правовой и финансовой проверки компании перед сделкой — изучение устава, корпоративных договоров, бухгалтерской отчётности, судебных дел, налоговой истории;

– проверить соблюдение преимущественного права. Покупатель должен убедиться, что продавец направил нотариально удостоверенную оферту другим участникам и получил отказы или дождался истечения 30-дневного срока, иначе сделка может быть оспорена;

– обеспечить помещение части покупной цены на эскроу-счёт или выплаты её в рассрочку с привязкой к условиям (отсутствие выявленных рисков в течение определённого срока);

– повысить роль нотариуса в сделках с долями (акциями). Законодатель мог бы обязать нотариуса при удостоверении сделки отчуждения доли (акций) проверять наличие сведений о корпоративном договоре в ЕГРЮЛ и отказывать в удостоверении, если сделка нарушает зарегистрированные ограничения **(**запрет на отчуждение доли (акций) до наступления определённого события, обязательное предварительное согласие других участников, ограничения по цене или кругу покупателей доли (акций) и др.).

Список литературы

1. Алексеев С. С. Собств енность в акцио нерном обществе /С. С. Алек сеев / Цивилистическая прак тика. – 20 03. – № 1(6). – С. 49-76.

2. Асосков А. В. Коллизионное регулирование договоров об осуществлении корпоративных прав (корпоративных договоров) / А. В. Асосков / Закон. –

2014. - № 8. – С. 33-44.

3. Беляева И. А. Проблемы правовой квалификации корпоративного договора» / И. А. Беляева / Евразийский Союз Учёных». – 2018. - № 1-1. – С. 69-72.

4. Кашанина Т. В. Корпоративное право /Т. В. Кашанина. Москва., 1999. - 815 с.

5. Лаптев В. В. Акционерное право /В. В. Лаптев. Москва, 1999. – 246 с.

6. Сергеев А. П. Юридическая природа и исполнимость соглашений акционеров по российскому праву /А. П. Сергеев / Корпоративный юрист. – 2007. – № 10. – С. 6-10.

7. Суханов Е. А. Сравнительное корпоративное право /Е. А. Суханов. Москва, Статут, 2014. – 456 с.

УДК 349.2

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА ПРИ ПОДБОРЕ ПЕРСОНАЛА: РИСКИ ДИСКРИМИНАЦИИ КАНДИДАТОВ

Ермолова Татьяна Геннадьевна
преподаватель СПО/ассистент
ФГБОУ ВО «Воронежский государственный лесотехнический университет имени Г. Ф. Морозова»,
г. Воронеж, Россия

Аннотация. *Статья посвящена исследованию рисков дискриминации кандидатов, возникающих при использовании технологий искусственного интеллекта в процессе подбора персонала. Установлено, что применение алгоритмов способно повысить скорость обработки заявок и снизить влияние отдельных субъективных оценок рекрутера, однако само по себе не гарантирует равенства кандидатов.*

Annotation. *The article is devoted to the study of the risks of discrimination against candidates that arise when using artificial intelligence technologies in the recruitment process. It has been established that the use of algorithms can increase the speed of application processing and reduce the influence of individual subjective assessments by the recruiter, but this in itself does not guarantee equality among candidates.*

Ключевые слова: *искусственный интеллект, трудовое право, подбор персонала, алгоритмическая дискриминация, кандидат, работодатель*

Keywords: *artificial intelligence, labor law, recruitment, algorithmic discrimination, candidate, employer*

Цифровые технологии постепенно меняют порядок поиска и отбора работников. Если прежде первичный анализ резюме преимущественно осуществлялся

специалистом кадровой службы, то в настоящее время часть работодателей передаёт эту работу информационным системам. Программа может сопоставить данные кандидата с требованиями вакансии, определить рейтинг соискателей, провести первичное интервью, проанализировать ответы и подготовить рекомендации. При массовом подборе персонала подобные инструменты сокращают продолжительность отбора и позволяют обрабатывать тысячи заявок.

Вместе с тем автоматизация не устраняет риск субъективности, а нередко переводит его в менее заметную форму. Алгоритм создаётся человеком, обучается на отобранной разработчиком информации и выполняет поставленную работодателем задачу.

Актуальность темы определяется тем, что отказ алгоритма допустить человека к собеседованию непосредственно влияет на возможность реализации права на труд. Для кандидата ситуация осложняется отсутствием информации о применявшихся критериях. Кандидат обычно не знает, что его резюме анализировалось автоматически, какие показатели повлияли на рейтинг и почему программа отдала предпочтение другому лицу. В таких условиях традиционные средства защиты от дискриминации оказываются недостаточно эффективными.

Рассмотрим, что представляет собой искусственный интеллект как инструмент подбора персонала.

Под искусственным интеллектом в сфере отбора кандидатов для компании можно понимать как программные системы, которые на основании заданных правил или выявленных в данных закономерностей формируют прогноз, оценку либо рекомендацию, влияющую на решение о допуске кандидата к следующему этапу отбора.

Во время первичного отбора она проверяет образование, стаж, профессиональные навыки и ключевые слова. Чат-бот задаёт кандидату стандартные вопросы, рассчитывает вероятность успешной работы или скорого увольнения. Отдельную группу образуют системы видеоинтервью, способные оценивать содержание речи, темп ответа, интонацию, положение лица и иные параметры поведения.

Автоматизация имеет очевидные преимущества. Она позволяет быстрее обрабатывать документы, применять одинаковую последовательность действий ко всем кандидатам и исключать некоторые проявления личной неприязни со стороны конкретного рекрутера. Однако единообразие процедуры ещё не означает справедливость результата. Если критерий изначально выбран неправильно, его одинаковое применение только увеличивает масштаб негативных последствий.

Как справедливо отмечается в научной литературе, заявления разработчиков об объективности кадровых алгоритмов не всегда сопровождаются достаточными доказательствами их эффективности и недискриминационного характера [7].

Дискриминация при алгоритмическом подборе не обязательно является следствием намерения работодателя ограничить права определённой категории граждан. Неблагоприятный результат может возникнуть, например, из-за особенностей данных.

Первым источником риска являются исторические данные. Многие модели обучаются на информации о ранее принятых работниках: их образовании, опыте, результатах аттестации, продолжительности работы и карьерном продвижении. Но прошлые кадровые решения могли зависеть не только от деловых качеств. Если определённая группа ранее была недостаточно представлена на руководящих или технических должностях, алгоритм способен воспринять такое положение как норму и воспроизвести его.

Ярким примером является экспериментальная система компании Amazon, предназначенная для анализа резюме кандидатов на технические должности. Модель обучалась на документах, поступавших в компанию на протяжении примерно десяти лет. Поскольку среди претендентов и принятых специалистов преобладали мужчины, система сформировала нежелательную зависимость между полом кандидата и предполагаемой профессиональной пригодностью. В частности, негативно оценивались некоторые резюме, содержавшие слова, связанные с женскими организациями. После выявления проблемы компания прекратила

разработку данного инструмента [8]. Этот пример показывает, что алгоритм может не получать прямого указания отдавать предпочтение мужчинам, но прийти к такому результату на основе исторической выборки.

Вторым источником риска выступают признаки-заменители. Даже если разработчик исключит из базы сведения о поле, возрасте, состоянии здоровья или национальной принадлежности, модель может восстановить соответствующую зависимость с помощью других данных. Например, перерыв в трудовой деятельности может косвенно указывать на отпуск по уходу за ребёнком, год окончания университета — на возраст, почтовый индекс — на социальное положение или место проживания, а членство в определённой организации — на мировоззрение кандидата. В научной литературе отмечается, что большие массивы данных позволяют обнаруживать скрытые связи, которые фактически воспроизводят юридически запрещённые критерии [7].

Конституция Российской Федерации устанавливает равенство прав и свобод независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства и других обстоятельств [2]. Право свободно распоряжаться способностями к труду закреплено статьёй 37 Конституции РФ [2].

В соответствии со статьёй 3 Трудового кодекса РФ никто не может быть ограничен в трудовых правах и свободах либо получать преимущества по причинам, не связанным с деловыми качествами работника [3]. Запрет распространяется как на прямые, так и на косвенные ограничения. Поэтому автоматизированный характер оценки не освобождает работодателя от обязанности соблюдать равенство кандидатов.

Статья 64 ТК РФ запрещает необоснованный отказ в заключении трудового договора. По письменному требованию кандидата работодатель обязан сообщить причину отказа в письменной форме не позднее семи рабочих дней со дня предъявления требования [6]. Отказ может быть обжалован в суде.

Из этого следует, что применение алгоритма правомерно лишь тогда, когда используемые им показатели позволяют оценить качества, действительно

необходимые для конкретной работы. Например, при подборе бухгалтера допустима проверка знания правил учёта и опыта работы с профильными программами. Использование места проживания или продолжительности перерыва в занятости потребует отдельного обоснования. Если такой связи нет, критерий способен привести к необоснованному ограничению трудовых прав.

Правовая сложность заключается в доказывании дискриминации. Кандидат располагает только фактом отказа и, как правило, не имеет доступа к модели, обучающей выборке и итоговому рейтингу. Работодатель или поставщик программы, напротив, обладают технической информацией, но могут ссылаться на коммерческую тайну. Возникает информационное неравенство, при котором установленный законом запрет трудно реализовать на практике.

Письменное сообщение о том, что другой кандидат «в большей степени соответствует требованиям», не раскрывает роли алгоритма. Для эффективной защиты человеку необходимо знать, применялась ли автоматизированная система, какие существенные факторы повлияли на вывод и мог ли результат быть пересмотрен сотрудником организации. Речь не обязательно должна идти о раскрытии исходного программного кода. В большинстве случаев кандидату важнее получить понятное описание логики решения: например, какие сведения признаны недостаточными и почему они имеют значение для вакансии.

Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ требует, чтобы обработка персональных данных осуществлялась на законной и справедливой основе. Содержание и объём данных должны соответствовать заявленным целям, а их обработка не может быть избыточной [4]. Сам факт размещения информации в интернете не означает, что работодатель вправе без ограничений использовать её для построения кадрового профиля.

Особое значение имеет статья 16 Федерального закона № 152-ФЗ. Решение, которое порождает юридические последствия в отношении субъекта персональных данных или иным образом затрагивает его права и законные интересы, не должно приниматься исключительно на основании автоматизированной обработки, кроме случаев письменного согласия субъекта либо прямого указания

федерального закона [4]. Оператор обязан разъяснить человеку порядок принятия решения и возможные юридические последствия, предоставить возможность заявить возражение и рассмотреть его в установленный срок.

Отказ допустить кандидата к дальнейшему отбору способен затронуть его законные интересы. Поэтому полностью автоматическое исключение соискателя без возможности человеческого пересмотра вызывает сомнения с точки зрения статьи 16 указанного закона.

Российское право содержит общие нормы, позволяющие оспаривать дискриминационные решения, однако специальных процедур контроля за кадровыми алгоритмами пока недостаточно. Для снижения рисков представляется целесообразным закрепить ряд дополнительных гарантий.

Во-первых, необходимо установить обязанность работодателя уведомлять кандидата об использовании искусственного интеллекта до начала автоматизированной оценки. Уведомление должно содержать сведения о назначении системы, категориях анализируемых данных, роли алгоритма в принятии решения, сроках хранения результатов и способах обращения за пересмотром.

Во-вторых, неблагоприятное решение не должно приниматься исключительно автоматически. Кандидату следует предоставить право потребовать содержательную проверку уполномоченным сотрудником. Такой работник должен обладать профессиональной подготовкой, иметь доступ к исходным материалам и быть вправе изменить рекомендацию системы.

В-третьих, до внедрения технологии требуется проводить оценку её воздействия на трудовые права. Работодатель совместно с разработчиком должен определить цель применения программы, обосновать связь каждого существенного критерия с трудовой функцией и проверить результаты на различных группах кандидатов. Проверку необходимо повторять после обновления модели и через определённые промежутки времени.

Наконец, необходимо скорректировать правила доказывания. Если кандидат представляет факты, позволяющие предположить дискриминационное воздействие алгоритма, обязанность раскрыть сведения о процедуре и подтвердить

объективность критериев должна переходить к работодателю. Иной подход возлагает на соискателя практически невыполнимую задачу по доказыванию работы закрытой информационной системы.

Предлагаемые меры не означают запрета искусственного интеллекта в рекрутинге. Их цель состоит в том, чтобы использовать технологию как вспомогательный инструмент, сохранив за человеком реальную возможность оценки конкретной ситуации и юридическую ответственность за принятое решение.

Работодатель не может переложить ответственность на программу или её разработчика. Именно он выбирает технологию, определяет цель обработки данных и использует результат при принятии кадрового решения. Поэтому применение искусственного интеллекта должно сопровождаться предварительной оценкой рисков, периодическим аудитом, ведением документации и реальным человеческим контролем.

Развитие правового регулирования целесообразно направить на обеспечение процедурной прозрачности. Кандидат должен знать об автоматизированной оценке, понимать основные причины неблагоприятного результата и иметь возможность потребовать его пересмотра человеком. Только при соблюдении этих условий искусственный интеллект способен стать средством повышения качества подбора персонала, а не инструментом скрытого ограничения права на труд.

Список литературы

1. Конвенция Международной организации труда № 111 «О дискриминации в области труда и занятий»: принята в г. Женеве 25 июня 1958 г. / Ведомости Верховного Совета СССР. 1961. № 44. Ст. 448.

2. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с поправками, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020, с изм. от 04.10.2022). – Текст: электронный / Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://pravo.gov.ru

3. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 29.12.2025, с изм. от 06.02.2026) / Официальный интернет-портал правовой

информации. URL: http://pravo.gov.ru

4. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» / Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 31. Ч. 1. Ст. 3451.

5. Указ Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» / Собрание законодательства Российской Федерации. 2019. № 41. Ст. 5700.

6. О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17 марта 2004 г. № 2 / Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2004. № 6.

7. Новиков Д. А. Использование искусственного интеллекта при найме работников: проблемы и перспективы правового регулирования / Journal of Digital Technologies and Law. 2024. Т. 2. № 3. С. 611–635. DOI: 10.21202/jdtl.2024.31.

8. New York City Local Law No. 144 of 2021. Automated Employment Decision Tools. URL: nyc.gov (дата обращения: 26.09.2026).

УДК 341

ОБЪЕКТИВНАЯ НЕОБХОДИМОСТЬ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ КВАЛИФИКАЦИИ «ПРАВОВОЙ АГРЕССИИ» КАК ОДНОГО ИЗ ВИДОВ АГРЕССИИ В КОНТЕКСТЕ РЕЗОЛЮЦИИ ГЕНЕРАЛЬНОЙ АССАМБЛЕИ ООН № A/RES/3314(XXIX) ОТ 14.12.1974 ГОДА

Митяев Олег Михайлович

соискатель ученой степени кандидата юридических наук

Научный руководитель: Бортников Сергей Петрович,

д.ю.н., доцент

ФГАОУ ВО «Самарский государственный экономический университет»,

город Самара

Аннотация. *В статье раскрывается необходимость квалификации «правовой агрессии» в качестве одного из вида агрессии в рамках Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН от 14 декабря 1974 г. № A/RES/3314(XXIX) «Определение агрессии». Анализируются причины такой необходимости и перспективы прикладного характера, влияющие на характер международных отношений.*

The article highlights the need to classify «legal aggression» as one of the types of aggression within the framework of UN General Assembly Resolution No. A/RES/3314(XXIX) «Definition of Aggression» dated December 14, 1974. The reasons for this need and the practical prospects that influence the nature of international relations are analyzed in the article.

Ключевые слова: *«правовая агрессия», гибридные войны, односторонние санкции, суверенитет, коллективная безопасности*

Keywords: *«Legal aggression», hybrid wars, unilateral sanctions, sovereignty, collective security*

В международно-правовой доктрине уже неоднократно высказывалась обеспокоенность в отношении расширения практики «двойных стандартов» в политике государств и повсеместного использования односторонних ограничительных мер (односторонних санкций), имплементируемых посредством актов национальных законодательств. Подобная практика ведет к легитимизации так называемого «агрессивного правотворчества», под которым понимается принятие государствами законодательных актов, выходящие за рамки его национальной юрисдикции, и направленные на политическое и экономическое давление в отношении других государств.

Здесь стоит заметить, что односторонние санкции, будучи направленными на государства, непосредственно затрагивают права физических и юридических лиц этих государств (концепция «вторичных санкций»).

В этих условиях феномен «агрессивного нормотворчества» поставил перед исследователями в области международного права задачу деконструировать классическое понятие «агрессия», адаптировав его к современным реалиям гибридных войн.

О необходимости переосмысления международно-правового термина «агрессия» высказываются и в юридической литературе. Например, Капустина А.В., Багандова Л. З. указывают, что «с возникновением новых форм межгосударственного противостояния, характеризующихся комплексным использованием невоенных инструментов давления, возникли попытки переосмысления традиционных подходов к пониманию агрессии» [2].

Бистрина М. Г., Иванников А. А., рассуждая о различных гибридных формах агрессии, упоминают информационную агрессию: «одной из определяющих характеристик гибридных войн становится использование информационных атак, значимость которых многократно возросла в эпоху цифровых технологий и глобальной сети» [3].

По мнению автора, одной из гибридных форм агрессии являются так называемые «санкционные войны», заключающиеся в принятии отдельными государствами односторонних ограничительных мер (односторонних санкций) в

отношении других государств в качестве инструмента давления вместо открытого военного конфликта.

Важно заметить, что помимо установления санкционных режимов в отношении тех или иных государств, «правовая агрессия» также имеет свои формы, которая может выражаться в:

– ***Дипломатической изоляции,*** заключающейся в целенаправленном и коллективном политическом давлении мирового сообщества (или группы государств), направленной на максимальное ограничение внешнеполитических связей конкретной страны с целью ее наказания, сдерживания или принуждения к изменению политического курса. Здесь можно вспомнить призыв, содержащийся в пункте 6 Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН от 27.03.2014 г. № 68/262 «Территориальная целостность Украины»: «Генеральная Ассамблея призывает все государства, международные организации и специализированные учреждения не признавать любое изменение статуса Автономной Республики Крым и города Севастополя на основе вышеупомянутого референдума и воздерживаться от любых действий или шагов, которые можно было бы истолковать как признание любого такого измененного статуса» [9];

– ***Экономическая изоляция***, суть которой заключается в полном или частичном отсечении государства от мировой финансово-экономической системы (например, заморозка более $300 млрд. резервов Центрального банка Российской Федерации и отключение России от системы SWIFT);

– ***Исключение из международных структур***, когда такое исключение часто маскируется под юридическую процедуру, но принимается на основе политического консенсуса группы доминирующих государств, которые используют уставные документы организации как «нормативное оружие». Например, в 2017–2019 годы США и группа латиноамериканских государств («Лимская группа») инициировали процедуру приостановки членства Венесуэлы в Организации американских государств, которая нарушила собственный устав, признав самопровозглашенное правительство Хуана Гуайдо, что международные юристы квалифицировали как прямое вмешательство во внутренние дела и

использование международной организации как инструмента для смены режима;

– ***Ограничение участия в иных формах международной жизни.*** Например, в 2022 году ФИФА и УЕФА приняли решение об отстранении сборной России по футболу и российских клубов от международных соревнований под своей эгидой, что также вписывается в концепцию «правовой агрессии» и «спортивного остракизма». Кроме того, данный пример расширяет границы термина, поскольку демонстрирует, как «правовая агрессия» выходит за рамки классического государственного нормотворчества и начинает реализовываться через *lex sportiva* (международное спортивное право) руками негосударственных транснациональных корпораций, какими де-факто являются ФИФА и УЕФА.

Когда ФИФА и УЕФА принимали вышеуказанное решение, в их уставах не было юридической нормы, позволяющей дисквалифицировать национальную ассоциацию за боевые действия, ведущиеся ее государством. Организации просто использовали размытые формулировки о «безопасности», «целостности соревнований» и форс-мажоре, что также говорит об избирательном правоприменение («двойные стандарты»), так как международное спортивное право декларирует принцип автономии спорта и его отделения от политики, а ФИФА и УЕФА этот принцип проигнорировали. При этом аналогичные жесткие меры никогда не применялись к другим членам ФИФА за участие в вооруженных конфликтах (например, к США за кампанию в Ираке).

Для решения задачи переосмысления понятия «агрессия» в сторону гибридных форм враждебных действий обратимся к источникам международного права.

Главным международном-правовым актом, квалифицирующим те или иные действия субъектов международного права как акт агрессии, является Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 14 декабря 1974 г. № A/RES/3314(XXIX) «Определение агрессии» (далее по тексту – «Резолюция № A/RES/3314»).

Статья 3 Резолюции № A/RES/3314 перечисляет конкретные действия, которые квалифицируются как акт агрессии:

– вторжение или нападение вооруженных сил государства на территорию другого государства или любая военная оккупация, какой бы временный характер она ни носила, являющаяся результатом такого вторжения или нападения, или любая аннексия с применением силы территории другого государства или части ее;

– бомбардировка вооруженными силами государства территории другого государства или применение любого оружия государством против территории другого государства;

– блокада портов или берегов государства вооруженными силами другого государства;

– нападение вооруженными силами государства на сухопутные, морские или воздушные силы, или морские и воздушные флоты другого государства;

– применение вооруженных сил одного государства, находящихся на территории другого государства по соглашению с принимающим государством, в нарушение условий, предусмотренных в соглашении, или любое продолжение их пребывания на такой территории по прекращению действия соглашения;

– действие государства, позволяющего, чтобы его территория, которую оно предоставило в распоряжение другого государства, использовалась этим другим государством для совершения акта агрессии против третьего государства;

– засылка государством или от имени государства вооруженных банд, групп, иррегулярных сил или наемников, которые осуществляют акты применения вооруженной силы против другого государства, носящие столь серьезный характер, что это равносильно перечисленным выше актам, или его значительное участие в них [1].

Из содержания статьи 3 Резолюции № A/RES/3314 видно, что к агрессии относятся исключительно действия военного характера. При этом важно заметить, что современные войны, как было замечено выше, постепенно трансформировались в различные гибридные враждебные действия.

Заметим, что сегодня также ведутся исследования [4], направленные на обоснование необходимости интеграции нового понятия «правовая агрессия» в международное право. Подобные попытки приравнять «правовую агрессию» к актам агрессии в контексте статьи 3 Резолюции № A/RES/3314 являются вполне логичными и естественными по ряду причин:

1. Сопоставимость разрушительного эффекта односторонних санкций («экономическое оружие») с последствиями от вооруженных конфликтов.

Международному сообществу сегодня важно осознать, что в современных реалиях масштабные односторонние экономические санкции (эмбарго, финансовые блокады, отключение от платежных систем), вводимые в отношении некоторых государств, могут нанести экономике, социальной сфере и инфраструктуре этих государства такой ущерб, который сопоставим с последствиями применения военного оружия. Односторонние ограничительные меры приводят к гуманитарным кризисам, дефициту медикаментов, падению уровня жизни и росту смертности населения, что нарушает фундаментальные права человека.

Для доказательства данного утверждения достаточно обратиться к статистическим данным. В частности, согласно исследованиям, содержащимся в авторитетном научном журнале Lancet Global Health, односторонние санкции ежегодно становятся причиной «гибели около 564 тысяч человек, большинство из которых — дети младше пяти лет» [5]. Показательно то, что данные цифры «превышают среднее число боевых потерь (106 тысяч смертей в год) и сопоставимы с некоторыми оценками общего числа жертв войн с учетом гражданского населения (около 500 тыс. смертей ежегодно)» [5].

Более того, особый вред односторонних санкций заключается в том, что от них страдают прежде всего слабозащищенные группы населения (дети, пожилые люди). Согласно исследованиям того же Lancet Global Health, «наибольшее число жертв санкций приходится на детей младше одного года и пожилых людей от 60 до 80 лет. В целом 51% всех смертей от санкций с 1970 по 2021 годы пришлись на детей младше пяти лет. В возрастных группах до 15 лет и от 60 до 80 лет зарегистрировано 77% всех смертей, что указывает на то, что санкции

сильнее всего затрагивают те группы населения, которые традиционно не вовлечены в экономическую деятельность» [5].

2. Преодоление концептуального пробела в Резолюции № A/RES/3314.

Принятое в XX веке в рамках Резолюции № A/RES/3314 определение «агрессия» отражает реалии холодной войны, когда главной угрозой был прямой межгосударственный вооруженный конфликт. В XXI веке методы противостояния между государствами сместились в сторону «гибридных войн». Включение односторонних ограничительных мер (односторонних санкций) в перечень актов агрессии легитимизирует понятие «правовая агрессия» и закроет таким образом указанный выше юридический пробел, адаптируя тем самым международное право к современным условиям построения международных отношений.

Что касается понятий «правовая агрессия», «односторонние ограничительные меры», то их содержание подробно раскрывается в других работах автора и в предмет настоящего исследования не входит, так как масштабность данных категорий требует отдельного анализа, выходящего за рамки настоящей статьи.

3. Защита суверенитета и независимости государств в новых реалиях ведения гибридных войн.

Статья 1 Резолюции № A/RES/3314 определяет агрессию как действие против «суверенитета, территориальной целостности или политической независимости другого государства» [1].

Заметим, что целью незаконных с точки зрения международного права односторонних ограничительных мер (односторонних санкций) являются: (1) ослабление или полное уничтожение суверенитета государств, их экономик, а также (2) негативное воздействие на права граждан в социальной области, а также в областях здравоохранения, культуры, спорта, туризма, экологии и т.д., в попытке изменить поведение государств через пропагандистские механизмы формирования социально-общественного и политического недовольства в стране.

В случае с классической военной агрессией происходит нечто похожее - грубо нарушается политическая независимость государства, подвергшегося

военной агрессии, а также происходит нарушение фундаментальных прав человека, закрепленных во Всеобщей декларации прав человека [6].

Таким образом, ввиду совпадения целей военной и правовой агрессии видится вполне логичным и справедливым расширить список возможных действий государств, квалифицируемых как акт агрессии в рамках Резолюции № A/RES/3314, действиями, заключающимися в принятии государствами (межгосударственными объединениями) односторонних ограничительных мер в отношении других государств.

4. Защита монополии Совета Безопасности ООН и преодоления права вето государств, злоупотребляющих практикой использования односторонних санкций.

Заметим, что в силу статьи 41 Устава ООН [7] легитимные принудительные меры (включая экономические) могут приниматься только по решению Совета Безопасности ООН.

Любые односторонние санкции, принятые в обход Совета Безопасности ООН, подрывают централизованную систему коллективной безопасности. В свою очередь юридическое признание таких санкций актами агрессии позволило бы эффективнее бороться с практикой их применения.

Кроме того, расширение списка актов агрессии действиями, направленными на введение односторонних санкций, позволит преодолеть право вето государств, которые наиболее часто такие санкции вводят (США, Великобритания, Франция).

Согласно статье 4 Резолюции № A/RES/3314 перечень актов агрессии «не является исчерпывающим, и Совет Безопасности может определить, что другие акты представляют собой агрессию согласно положениям Устава» [1]. Таким образом, сегодня такие постоянные члены Совета Безопасности ООН как США, Великобритания, Франция, и обладающие правом вето, вполне спокойно могут заблокировать любые попытки Совета Безопасности ООН принудить эти государства к прекращению и отмене односторонних санкций.

В свою очередь, включение односторонних санкций в список актов

агрессии в контексте Резолюции № A/RES/3314 создаст определенные обходные международно-правовые и политические механизмы для нейтрализации позиции США.

Например, в случае, когда США или Великобритания заблокируют попытки Совета Безопасности ООН принять резолюцию с рекомендацией или призывом снять односторонние ограничения с того или иного государства, ссылаясь на довод о том, что введение односторонних санкций является суверенным национальным правом вводить такие ограничения, можно было бы активировать правовой механизм, заложенный Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН от 03.11.1950 г. № 377 «Единство в пользу мира» (Uniting for Peace) (далее по тексту – «Резолюция № 377) [8].

Напомним, что суть Резолюции № 377 заключается в том, что, если Совет Безопасности ООН оказывается не в состоянии выполнить свою основную функцию по поддержанию международной безопасности в результате разногласия постоянных членов, то решение проблемы может быть передано в Генеральную Ассамблею ООН, которая может выдать свои рекомендации остальным странам, например, прекратить торговлю в определенных секторах экономики с тем государством, которое использует односторонние санкции как средство давление на другое государство.

И в таком случае, если понятие «правовая агрессия» было бы интегрировано в Резолюцию № A/RES/3314, то у Генеральной Ассамблеи ООН уже было бы готовое юридическое обоснование (без долгих споров и обсуждений о терминологии) для принятия соответствующего решения (которое, к слову, будет приниматься простым большинством в 2/3 голосов и без права вето) в отношении государства, злоупотребляющего односторонними санкциями.

Сейчас же любое государство, намеренное ввести односторонние санкции против другого государства, может обосновать свои действия внутренней политикой и своим суверенным правом осуществлять любые действия для защиты своих национальных интересов.

Резюмируя вышеизложенное, следует констатировать, что «правовая

агрессия» как форма деструктивного экстерриториального нормотворчества по масштабу своего разрушительного воздействия на систему международных отношений и суверенитет государств сопоставима с применением военной силы. В этой связи доктрине международного права необходимо сделать закономерный шаг: поставить «правовую агрессию» в один ряд с агрессией в ее классическом понимании, признав за ней статус самостоятельной угрозы международному миру и коллективной безопасности».

В заключении отметим, что интеграция понятия «правовая агрессия» в Резолюцию № A/RES/3314, расширение перечня актов агрессии действиями по введению односторонних санкций, а также иными действиями, указанными выше и имеющими форму «правовой агрессии», позволит повысить роль Генеральной Ассамблеи ООН и превратить его из «дискуссионного клуба» в коллективный трибунал, а также лишит государства, наиболее активно использующих односторонние санкции в своей политике, возможности прятаться за право вето в Совете Безопасности ООН, так как квалификации деяния будет строиться уже на основе закона, принятого и поддерживаемого мировым сообществом.

Список литературы

1. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 14 декабря 1974 г. № A/RES/3314(XXIX) «Определение агрессии» [Электронный ресурс] URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/aggression.shtml?ysclid=moyt5ilaw3386677968 (дата обращения: 24.09.2026 г.).

2. Капустина А.В., Багандова Л. З. Историографические исследования концептуализации понятия «агрессия» в международном праве и современной политико-правовой доктрине/ Международное право и международные организации / InternationalLawand InternationalOrganizations. 2025. № 4. С. 9.

3. Бистрина М. Г., Иванников А. А. Гибридные войны: современные вызовы и перспективы / Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. 2025. Т. 12. No 2. С. 248.

4. Митяев О. М. Правовая агрессия как одно из проявлений санкций в

международном праве / Теоретические и практические аспекты развития современной науки: теория, методология, практика / Сборник научных статей по материалам XVIII Международной научно-практической конференции (5 декабря 2025 г., г. Уфа). В 3 ч. Ч. 2 / – Уфа: Изд. Научно-издательский центр Вестник науки, 2025. С. 191-197.

5. Frank Media. Lancet: число жертв экономических санкций сопоставимо с вооруженными конфликтами [Электронный ресурс] URL: https://frankmedia.ru/212220 (дата обращения: 24.09.2026).

6. Всеобщая декларация прав человека: принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г. [Электронный ресурс] URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения: 24.09.2026).

7. Устав ООН от 26.06.1945 г. [Электронный ресурс] URL: https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text (дата обращения: 24.09.2026).

8. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 03.11.1950 г. № 377 «Единство в пользу мира» [Электронный ресурс] URL: https://conventions.ru/int/7558/ (дата обращения: 24.09.2026 г.).

9. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 27.03.2014 г. № 68/262 «Территориальная целостность Украины» [Электронный ресурс] URL: https://docs.un.org/A/RES/68/262 (дата обращения: 24.09.2026 г.).

УДК 347.77

ДОГОВОР ПРИСОЕДИНЕНИЯ В СТРИМИНГОВЫХ СЕРВИСАХ: АНАЛИЗ ДИСБАЛАНСА ПРАВ СТОРОН И ПУТИ ЕГО ПРЕОДОЛЕНИЯ

Штайнбрехер Анастасия Владимировна

магистрант

Научный руководитель: Донец Наталья Александровна,

к.ю.н., доцент

ЧОУ ВО «Сибирский юридический университет»,

город Омск

Аннотация. *В статье проводится цивилистический анализ договора присоединения как основной формы оформления отношений между операторами стриминговых платформ и конечными пользователями. Исследуется содержание пользовательских соглашений (EULA) на предмет соответствия императивным нормам гражданского законодательства и Закона РФ «О защите прав потребителей». Выявлены системные проявления дисбаланса прав сторон: риск «исчезновения» оплаченного контента, отсутствие цифрового истощения исключительных прав, запрет на вторичное распоряжение цифровыми активами, проблемы цифрового наследования и совместного использования аккаунтов. На основе сравнительно-правового анализа с Директивой (ЕС) 2019/770 и доктриной зарубежных юрисдикций сформулированы предложения по совершенствованию российского законодательства, включая законодательное закрепление категории «цифровой вещи», императивное ограничение свободы договора в цифровой среде и введение права на портативность данных.*

The article presents a civil law analysis of the adhesion contract as the primary form of formalizing relations between streaming platform operators and end-users. The content of End-User License Agreements (EULAs) is examined for compliance

with the mandatory norms of civil legislation and the Law of the Russian Federation «On Consumer Protection». Systemic manifestations of the imbalance of rights between the parties are identified: the risk of the «disappearance» of paid content, the absence of the digital exhaustion of exclusive rights, the prohibition on the secondary disposition of digital assets, and issues related to digital inheritance and account sharing. Based on a comparative legal analysis with Directive (EU) 2019/770 and the legal doctrine of foreign jurisdictions, de lege ferenda proposals are formulated to improve Russian legislation, including the statutory consolidation of the «digital thing» category, the mandatory restriction of freedom of contract in the digital environment, and the introduction of the right to data portability.

Ключевые слова: *договор присоединения, стриминг, пользовательское соглашение, EULA, защита прав потребителей, цифровая вещь, цифровое истощение прав, темные паттерны, цифровое наследование, совместное использование аккаунтов*

Keywords: *adhesion contract, streaming, user agreement, EULA, consumer protection, digital asset (digital thing), digital exhaustion of rights, dark patterns, digital inheritance, account sharing*

Правовое оформление отношений между операторами стриминговых платформ и пользователями в Российской Федерации осуществляется преимущественно посредством договора присоединения, конструкция которого закреплена в ст. 428 ГК РФ. Данная модель, обеспечивая массовость и оперативность сделок, порождает устойчивый информационный и переговорный дисбаланс в пользу оператора платформы. Пользовательские соглашения (EULA) акцептуются конклюдентными действиями (регистрация, проставление отметки) и носят смешанный характер, включая элементы лицензионного договора (ст. 1235 ГК РФ), возмездного оказания услуг (гл. 39 ГК РФ) и абонентского договора (ст. 429.4 ГК РФ) [1, с. 7]. Правоприменительная практика не выработала единообразных подходов к определению преобладающего элемента, что создает правовую неопределенность.

Анализ типовых соглашений крупнейших платформ позволяет выделить

шесть системных проявлений дисбаланса.

Первое – риск «исчезновения» оплаченного контента. Пользователь приобретает не право собственности, а ограниченное, неисключительное и отзывное право доступа к сервису и контенту [1, с. 7]. Риски прекращения работы сервиса или изменения библиотеки контента целиком перекладываются на потребителя, который после окончания подписки не сохраняет никаких остаточных прав на ранее потребленный контент [2, с. 106].

Второе – отсутствие в российском правопорядке доктрины цифрового истощения исключительных прав. В классическом праве действует принцип «исчерпания права» (ст. 1270 ГК РФ): как только правообладатель продал физический экземпляр произведения (например, книгу, DVD-диск или игру на картридже), он теряет контроль над его дальнейшей судьбой. Покупатель становится собственником конкретной копии и вправе её перепродать, подарить, передать по наследству или даже уничтожить.

В цифровой среде этот принцип, к сожалению, не работает. Приобретая «электронную книгу», фильм, пользователь юридически покупает не вещь, а лишь ограниченную, непередаваемую лицензию на доступ к контенту. Правообладатель сохраняет полный контроль над цифровой копией и может в любой момент отозвать к ней доступ. Именно поэтому пользователь не вправе легально перепродать свою «цифровую библиотеку», подарить её другу или передать по наследству — любое такое действие будет рассматриваться как нарушение пользовательского соглашения (EULA) [2, с. 108].

Третье – проблема совместного использования аккаунтов. EULA повсеместно содержат запреты на передачу учетных записей даже членам семьи. Платформы внедряют технические средства защиты и специальные тарифы. Например, политика Netflix по борьбе с групповым использованием аккаунтов, несмотря на первоначальный отток, привела к росту числа подписчиков, однако сам факт квалификации совместного использования семьей как нарушения договора свидетельствует о перекосе в сторону оператора [3, с. 9].

Четвертое – проблема цифрового наследования. Накопленные цифровые

активы представляют материальную ценность, но из-за персонального характера лицензии наследники не получают автоматического доступа к аккаунту умершего. Отсутствие в ГК РФ легального определения «цифровой вещи» оставляет подобные механизмы вне поля строгого правового регулирования.

Пятое – распространение практик недобросовестного (манипулятивного) дизайна интерфейсов. Приемы, затрудняющие отказ от подписки (скрытые кнопки отмены, многоэтапные подтверждения), фактически манипулируют поведением потребителя, удерживая его в экосистеме сервиса. Действующее гражданское законодательство не содержит прямых запретов на такие практики.

Шестое – право оператора на одностороннее изменение условий договора или прекращение доступа без объяснения причин. Формально это соответствует ст. 428 и 782 ГК РФ, но на практике возмещение убытков пользователю крайне затруднено. Стриминговые услуги не относятся к категории публично значимых, что ограничивает применение расширительных гарантий публичного договора [1, с. 8].

Преодоление выявленного дисбаланса требует комплексного подхода. В законодательном плане необходимо введение в ГК РФ категории «цифровой вещи» (или расширение толкования ст. 141.1 ГК РФ о цифровых правах), что закрепит не только права пользования, но и специфическое «бремя содержания».

Опыт ЕС, в частности Директива (ЕС) 2019/770 о договорах купли-продажи цифрового контента и услуг, демонстрирует переход к сбалансированной модели. Директива устанавливает презумпцию несоответствия контента, если он будет обнаружен в течение 12 месяцев после покупки или начала использования цифрового контента, обязанность провайдера информировать об ограничениях, а также право потребителя на расторжение договора и пропорциональный возврат средств при существенном несоответствии [4].

В российское законодательство целесообразно ввести:

– введение строгих требований к прозрачности пользовательских соглашений. Платформы обязаны в понятной форме, до момента оплаты, предупреждать пользователя о том, что он приобретает не собственность на контент, а лишь

временную, отзывную лицензию, которая может быть аннулирована;

– признание существенным условием гарантии сохранения доступа к ранее оплаченному контенту в течение разумного срока;

– законодательное закрепление возможности наследования и вторичного оборота цифровых активов.

Целесообразно закрепить право пользователей стриминговых сервисов на портативность данных (возможность легко выгрузить свою историю просмотров, плейлисты и настройки в удобном формате для переноса на другую платформу), что снизит «эффект привязки» к платформе и повысит конкурентность рынка.

Перспективно создание отраслевых механизмов альтернативного разрешения споров. Это позволит снизить нагрузку на суды и повысить оперативность восстановления прав, особенно в спорах о блокировке эфиров [5, с. с. 353–354]. В рамках саморегулирования следует закрепить элементы «цифрового гражданства»: прозрачность алгоритмов модерации, право на обжалование блокировок через независимые советы и право на выход из экосистемы с удалением персональных данных [6, с. 51–52].

Судебная практика должна последовательно применять ст. 16 Закона о защите прав потребителей для признания недействительными обременительных положений EULA, в частности запретов на совместное использование аккаунтов членами семьи.

Подводя итог, договор присоединения в стриминговых сервисах формирует устойчивый дисбаланс прав в пользу операторов цифровых платформ. Выявленные системные риски требуют внедрения дополнительных императивных гарантий для пользователей. Реализация предложенных мер позволит преодолеть фрагментарность законодательства, обеспечить сбалансированную защиту правообладателей и потребителей, а также интегрировать российскую правовую систему в глобальные тенденции цифрового регулирования.

Список литературы

1. Чурилов А. Ю. Правовое регулирование облачного гейминга /

Актуальные проблемы российского права. 2022. Т. 17. № 8. С. 85–92.

2. Бородина, А. В. Правовое регулирование цифрового контента и услуг по подписке: проблемы «владения» и доступа потребителя в условиях изменяющихся лицензионных моделей / А. В. Бородина, Е. Д. Журавлева, М. А. Кулебакина / Ломоносов: сборник статей XX Международного конкурса молодых учёных, Пенза, 15 декабря 2025 года. – Пенза: Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г.Ю.), 2025. – С. 104-109. – EDN PPGLZA.

3. Огнева О. К. Современное состояние американских стриминговых платформ / Телекинет. 2023. № 4. С. 6–13.

4. Директива (ЕС) 2019/770 о договорах купли-продажи цифрового контента и цифровых услуг / EUR-Lex. URL: https://eur-lex.europa.eu (дата обращения: 20.08.2026).

5. Пащенко И. Авторские права и пользовательский стриминг: нарушения в прямом эфире / Сборник материалов VIII Междунар. юрид. форума. М.: МГЮА, 2020. С. 350–354.

6. Дмитрик Н. А. Частное, публичное, цифровое: в поисках системы координат для права / Закон. 2023. № 12. С. 45–52.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 658.15

СПЕЦИФИКА УПРАВЛЕНИЯ ФИНАНСАМИ КОМПАНИЙ НЕФТЕГАЗОВОГО КОМПЛЕКСА

Маляревская Светлана Владимировна
магистрант
Научный руководитель: Линкевич Елена Федоровна,
д.э.н., профессор
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»,
город Краснодар

Аннотация. *В статье исследованы особенности управления финансами в компаниях нефтегазовой отрасли. Механизм такой организации образует многоуровневую систему отношений, связывающую систему управления, государственные органы и собственников с денежными потоками и капиталом компании. Существенное воздействие на построение модели финансового менеджмента оказывает отраслевой режим. С учетом данной специфики было выявлено, что для российских нефтегазовых компаний оправдана комбинированная стратегия управления, сочетающая снижение затрат, технологическое развитие и избирательную диверсификацию.*

The article examines the specific features of financial management in companies operating in the oil and gas industry. The mechanism of such an organization forms a multi-level system of relations that links the management system, government bodies, and owners with the company's cash flows and capital. The industry regime has a significant impact on the development of the financial management model. Taking this specificity into account, it was found that a combined management strategy is justified for Russian oil and gas companies; it combines cost reduction, technological

development, and selective diversification.

Ключевые слова: *управление финансами, финансовый механизм, стратегия, модель, механизм, интеллектуальное лидерство, лидерство по издержкам, технологическое лидерство, диверсификация*

Keywords: *financial management, financial mechanism, strategy, model, mechanism, intellectual leadership, cost leadership, technological leadership, diversification*

В современных быстроменяющихся условиях хозяйствования результативность компании определяется не только объемом реализации и величиной прибыли. Финансы компаний охватывают формирование капитала, движение денежных средств, распределение достигнутого результата и расчеты с государственными органами, контрагентами и собственниками. Поэтому, необходима грамотная организация управления денежными потоками, позволяющая своевременно исполнять обязательства, сохранять финансовую устойчивость, рационально использовать ресурсы, адаптироваться к изменениям условий внешней среды и использовать возможности внутреннего окружения компании.

По мере усложнения экономических процессов, роста неопределенности и усиления конкурентного давления требования к эффективности финансового управления возрастают, поскольку от него зависит поддержание необходимого объема ресурсов и согласованность текущих и перспективных целей предприятия. Для российских организаций данные процессы особенно актуальны в связи с необходимостью перестройки хозяйственных связей, адаптации к новым условиям финансирования и поиска внутренних источников роста [4; 11].

В научной литературе содержание понятия «управление финансами» раскрывается неодинаково, однако используемые определения имеют общие признаки. Обобщение рассмотренных позиций позволяет выделить два основных направления его интерпретации. Первое направление объединяет авторов, связывающих финансовое управление с руководством отдельными видами деятельности предприятия, прежде всего с движением и использованием денежных ресурсов. В ряде работ одновременно указываются свойства такого управления и

ориентиры, на достижение которых оно направлено. Согласно второму направлению, «управление финансами» понимается как система мер и решений, основанная на принципах и методах их разработки и практического осуществления. Его также характеризуют как последовательность управленческих действий, профессиональное мастерство руководителя либо процесс планирования, при этом уточняются сферы применения соответствующих решений [2; 15].

Сопоставление приведенных подходов позволяют отметить, что главной целью финансового управления выступает увеличение стоимости компании посредством поддержания финансовой устойчивости, платежеспособности и прибыльности. Для достижения этой цели, непосредственно управление финансами предприятия осуществляется с помощью финансового механизма.

В работах по финансовому менеджменту не сформировано единообразное, общепринятое определение механизма управления финансами. Часть авторов придает этому понятию чрезмерно широкий смысл, сводя его к совокупности способов воздействия на финансовые процессы. Иные исследователи, напротив, ограничивают содержание механизма процедурами оперативного контроля, учета или текущего регулирования, вследствие чего его управленческая природа раскрывается неполно. Терминологическая неоднородность обусловлена различием исследовательских позиций. Механизм управления финансами может пониматься как средство осуществления финансовой политики, совокупность регуляторов, инструментов и побудительных стимулов либо как определенная система организационного построения финансового управления.

На механизм управления финансами оказывают влияние множество факторов. Общепринято делить факторы внешней и внутренней среды.

Внешнюю среду организации, как правило, образуют две основных части. Первая часть (микросреда) представляет собой наиболее близкое к организации окружение. Микросреда может оказывать непосредственное прямое влияние на результаты финансово-хозяйственной деятельности предприятия, тем самым может способствовать повышению или снижению ее эффективности. К микросреде относят потребителей (клиентов) компании, поставщиков, конкуренции,

различных сбытовых посредников, институциональную среду, другую инфраструктуру бизнеса. Вторую часть (макросреда) представляет собой дальнее окружение организации, она содержит факторы, оказывающие не прямое, а опосредованное влияние на компанию. К таким факторам относятся макроэкономические факторы, государственно-правовые факторы, социально-демографические факторы, технологические факторы. В свою очередь, внутреннюю среду организации, формируют факторы, которые напрямую влияют на ее деятельность, потенциал и результаты. Они определяют потенциал организации, ее сильные и слабые стороны, возможности и потенциальные угрозы, и в значительной степени являются результатом управленческих решений [3; 218].

Немаловажное значение на особенности формирования механизма управления финансами имеет отраслевая специфика развития бизнеса. Она определяет набор специфических финансовых инструментов, методов планирования и контроля, подходов к оценке рисков, характерных именно для данной сферы.

В условиях, когда хозяйственная среда быстро меняется, а неопределенность и спектр рисков расширяются, компании вынуждены опираться на такие финансовые инструменты, которые допускают оперативную перенастройку и при этом остаются прозрачными для контроля. Это имеет существенное значение для всех отраслей российской экономики, особенно для капиталоемких и экспортно-ориентированных секторов, таких как нефтегазовая отрасль, где требуются значительные инвестиции и существенна зависимость от внешних рынков, поскольку даже ограниченные ошибки финансового управления там оборачиваются заметными потерями и ослабляют интерес инвесторов.

Под механизмом управления финансами компаний нефтегазового комплекса следует понимать многоуровневую систему взаимодействия субъектов корпоративных финансов (менеджмент, государство-регулятор, акционеры) и объектов (денежные потоки, капитал, финансовые ресурсы), функционирующую на основе специфического налогового режима (НДПИ, демпфер, НДД).

Для финансирования проектов, регулирования внутригрупповых цен и консолидации расчетов используется единый казначейский контур. Такие

инструменты обеспечивают воспроизводство ресурсной базы, покрытие геологоразведочных затрат и адаптацию компаний к колебаниям мировых цен на энергоресурсы в условиях санкционных ограничений. Действие такой системы направлено на непрерывное формирование, распределение и использование финансовых ресурсов, рост стоимости компании и ограничение финансовых рисков приемлемым уровнем. При этом, отраслевая принадлежность компании, ее размеры, особенности рынков, на которых она работает, ассортимент и объемы производимой продукции, и ряд других параметров предопределяют специфику финансового менеджмента каждого конкретного предприятия. Поэтому, применение общего, приведенного выше, понятия «механизм управления финансами» к нефтегазовым компаниям требует учета особенностей их финансово-экономической деятельности. Уточнение категории обусловлено крупными капитальными затратами и длительным инвестиционным циклом, а также существенным участием государства в собственности (таблица 1).

Таблица 1 – Специфические особенности функционирования механизма управления финансами в нефтегазовом секторе

Особенность	Краткая характеристика
Фискальная доминанта	определяющая роль государственного изъятия природной ренты в формировании структуры денежного оттока, что существенно сужает границы корпоративного финансового маневра
Инфраструктурная инерционность	жесткая привязка графиков движения денежных средств к жизненному циклу масштабных капитальных активов со сроком окупаемости свыше 10–15 лет
Геополитическая эндогенность рисков	непосредственное влияние внешнеполитических факторов на стоимость привлечения капитала, доступ к технологиям и условия экспортных контрактов, что требует интеграции механизмов хеджирования валютных и процентных рисков непосредственно в ядро финансового планирования
Ресурсная направленность аллокации капитала	приоритетное распределение финансовых ресурсов не только в пользу проектов с максимальной доходностью, но и в пользу обеспечения энергетической самодостаточности страны и освоения новых провинций

В целях обеспечения достижения приоритетных векторов развития предприятия нефтегазового комплекса реализуют четыре основных направления трансформации моделей бизнеса: интеллектуальное лидерство, технологическое лидерство, лидерство по издержкам и диверсификация [5; 38].

Стратегия интеллектуального лидерства ориентирует организацию на сегменты с высокой доходностью и ограниченной инвестиционной потребностью. Преимущество здесь формируют не объем материальных ресурсов, а уникальные знания, новые инновационные решения и права на результаты интеллектуальной деятельности. Стратегия технологического лидерства достигается при систематическом вложении средств в разработку и освоение перспективных решений, а также при эффективной эксплуатации сложного производственного оборудования. Такая ориентация позволяет предприятию формировать и модернизировать собственный парк высокотехнологичных средств производства. Стратегия ценового лидерства требует последовательного сокращения издержек, пересмотра структуры активов и снижения капиталоемкости операций. Этому способствуют автоматизация и цифровизация производства, а также применение средств контроля, позволяющих сопоставлять результаты деятельности с установленными показателями. Стратегия диверсификации представляет собой стратегическое расширение деятельности предприятия за пределы исходной отрасли. Переход к иным направлениям бизнеса основывается на накопленных компетенциях: компания использует технологический и управленческий опыт, сформированный в нефтесервисе, для освоения новых видов деятельности.

Для российских нефтегазовых компаний наиболее устойчивой представляется комбинированная стратегия, сочетающая «лидерство по издержкам» с элементами «технологического лидерства» и ограниченной «диверсификацией». Данный вывод обусловлен следующими факторами:

– приоритет операционной эффективности;

– технологическое импортозамещение;

– селективная диверсификация как инструмент хеджирования;

– ограниченная роль интеллектуального лидерства.

Приоритет финансового управления состоит в сохранении платежеспособности компании и росте денежных поступлений от профильной деятельности. Такое целеполагание обусловлено внешними ограничениями экономики и требованиями экономической безопасности. Устойчивость к неблагоприятным

колебаниям может обеспечиваться переходом к модели asset-light («легкие активы»), цифровизацией производственных процессов и уменьшением OPEX посредством бюджетирования от нулевой базы. К числу существенных источников неопределенности относятся колебания нефтяных цен и корректировка налогового регулирования [1; 325]. Ограничение доступа к западным технологиям и инновациям смещает акценты технических стратегий компаний нефтегазового комплекса предприятия. Важным направлением становится не наращивание конкурентных преимуществ, а обеспечение устойчивости производственной деятельности. Инвестиционные вложения целесообразно направлять на устранение критических зависимостей, включая закупку и развитие собственного парка высокотехнологичного оборудования, локализацию нефтесервисного обслуживания. Подобные меры требуют значительных внутренних ресурсов, однако их объем необходимо сопоставлять с ожидаемым экономическим эффектом. Несоразмерные затраты способны ухудшить финансовую устойчивость организации.

Таким образом, при организации процесса управления финансами в компаниях нефтегазового комплекса, важным аспектом выступает необходимость принятия во внимание отличительных особенностей отрасли, в том числе стоящих перед ней вызовов и ее перспектив развития.

Список литературы

1. Абдуллаева, М. Н. О стратегиях развития промышленных компаний / М. Н. Абдуллаева / Россия: тенденции и перспективы развития. – 2022. – №17-1. – С. 325-333.

2. Кравченко, Д. В. Применение современных технологий в финансовом планировании компании: перспективы автоматизации / Д. В. Кравченко / Актуальные исследования. – 2023. – № 51-2 (181). – С. 14-20.

3. Родионова, Л. Н. Формирование системы устойчивых финансов / Л. Н. Родионова / Финансовый бизнес. – 2026. – № 4 (274). – С. 217-221.

4. Самойлов, А. В. Финансовый менеджмент: оценка эффективности и перспективы развития / А. В. Самойлов, А. М. Леонова / Актуальные проблемы

экономики и управления. – 2026. – № 1 (49). – С. 10-16.

5. Умаев, М. О. Ключевые элементы бизнес-моделей крупнейших нефтегазовых компаний России / М. О. Умаев, Р. М. Дадаев / Russian Journal of Management. – 2025. – Т. 13, № 6. – С. 31-41.

«ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ»

III Международная научно-практическая конференция

Научное издание

ООО «НИЦ ЭСП» в ЮФО
(подразделение НИЦ «Иннова»)
353445, Россия, Краснодарский край, г.-к. Анапа,
ул. Весенняя, 8, оф. 1
Тел.: 8-800-201-62-45; 8 (861) 333-44-82

Подписано в печать 30.09.2026 г. Формат 60x84/16. Усл. печ. л. 4,19
Бумага офсетная. Печать: цифровая. Гарнитура шрифта: Times New Roman
Тираж 50 экз. Заказ 159